

Глава III

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК «НОВЫЙ» СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Раздел 5. Россия в изменившихся международных условиях

Оценки причин распада Советского Союза и итогов холодной войны

О периоде, когда происходило постепенное ослабление Советского Союза и он прекратил свое существование в декабре 1991 года, написано далеко не все, хотя факт исчезновения с международной арены второй сверхдержавы весьма эмоционально оценивался во всем мире. Реакция на это событие была неодинаковой на разных уровнях восприятия: личностном, национальном (государственном), международном. Для политиков и ученых это означало, прежде всего, необходимость пересмотра парадигм как общемирового развития, так и отдельных стран или групп государств, объединенных на основе норм и условий, выработанных в годы биполярного порядка.

Особую значимость свершившееся событие имело для США и России: перед Соединенными Штатами открылась уникальная возможность реализации стратегии глобального лидерства, а перед Россией встала задача поиска и определения новой идентичности и формулирования новой международной стратегии в сложных условиях как внутри страны, так и за ее пределами. В ходе дебатов по этим проблемам обсуждались причины и последствия распада СССР для Российской Федерации. Эта тема заслуживает специального исследования и осмысления, мы приводим лишь некоторые материалы, необходимые для нашего анализа.

Среди российских политиков и ученых не было и нет единства мнений в вопросе о том, почему распался СССР. Одно из них — распад СССР был спровоцирован (ускорен) извне, а именно, из США — основного оппонента Советского Союза в послевоенном противостоянии (теория «мирового заговора»). Идея «внешнего фактора» временами принимала гипертрофированные формы, однако сугубо российским изобретением ее, наверное, назвать нельзя.

Отдельные американские политики и специалисты по СССР неоднократно заявляли об этом в годы холодной войны и после ее окончания. Стремление ослабить СССР и вывести его из большой международной игры не скрывала демократическая администрация во главе с Г. Трумэном. Предложенная в 1947 году Дж. Кеннаном стратегия борьбы с коммунизмом и СССР не устраивала Трумэна, и ее автор вынужден был оставить госдепартамент из-за несогласия с разрабатывавшейся политикой администрации. Американский президент, не желавший ждать, когда советская система взорвется изнутри под давлением внутренних противоречий и тяжести соревнования с ведущими капиталистическими странами, начал проводить политику прямого давления и конфронтации, сопровождавшуюся гонкой вооружений, в которую включился и Советский Союз.

В 1980-е годы, когда у власти находилась республиканская администрация Р. Рейгана идея «изматывания» СССР вновь была вынесена на первый план, хотя и в несколько иной трактовке. Признаваясь в своей «нелюбви» к коммунизму и решимости бороться с ним до конца, Р. Рейган в то же время заявлял о стремлении сделать все для того, чтобы Советский Союз стал демократическим государством и чтобы мир стал стабильнее. Он не прислушивался к тем, кто предостерегал его против прямой конфронтации с СССР и высказывал опасения относительно негативных последствий такой борьбы для США. Не будучи геополитиком, президент Рейган не задумывался о том, что произойдет в мире в результате американской политики. Как отмечал Г. Киссинджер, «Рейган понимал, что американский народ, промаршировавший всю свою историю под барабанный бой собственной исключительности, обретет искомое вдохновение в исторических идеалах, а не в геополитическом анализе»¹. После распада Советского Союза республиканцы открыто заявили о том, что политика администрации Рейгана, направленная на экономическое изматывание Советского Союза, увенчалась успехом, т.е. была тем самым внешним фактором, сыгравшим роковую роль в крахе сверхдержавы, у которой слабыми местами, по их определению, были идеология и экономика.

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. — С. 698.

В первые годы после распада СССР в заявлениях и публикациях отдельных представителей консервативной оппозиции главным тезисом было утверждение о существовании тайного заговора США и Запада, нацеленного на развал второй мировой сверхдержавы, а впоследствии и России, как крупнейшей и влиятельнейшей державы Евразийского континента, на вывод ее из сферы активной международной политики. Некоторые оппозиционные лидеры заявляли, что им известны секретные документы ЦРУ и Пентагона о плане уничтожения СССР и России как великой державы и превращения ее в сырьевой придаток, устранения ее с политической арены как самостоятельного и сильного государства¹.

Создание Содружества Независимых Государств также воспринималось представителями консервативной оппозиции достаточно пессимистически. Так, политолог Ш.З. Султанов расценил создание СНГ как выполнение секретного плана США: «Атлантический истеблишмент, в первую очередь США, к марту-апрелю 1991 года стал утрачивать контроль над процессом постепенного ослабления СССР. Соединенные Штаты не были готовы к новой геополитической ситуации, когда Горбачев был выведен за скобки. Для того, чтобы получить доступ к геополитическим советским ресурсам, блокировать на длительный срок «русский фактор», им было мало контролировать независимые государства порознь, нужна была сквозная координирующая структура, довольно жесткая»².

Известный своими крайними взглядами генерал А.И. Макашов высказывался еще более жестко: «Все, что делается в нашей стране, особенно в последние годы, все спланировано в США... Все развивалось по планам ЦРУ... Всем ясно, что СНГ создан кучкой политических авантюристов в угоду и по прямому указанию дяди Сэма. Сегодня разбитый на суверенные территории разоруженный СССР стал легкой добычей США»³.

Сходный взгляд на судьбу Советского Союза и роль Запада высказывал Г.А. Зюганов, писавший, что на Западе был разработан план «подрыва конституционного строя СССР как единой и великой державы». Он привел пять пунктов этой секретной программы: «представить СССР как последнюю и самую хищную

¹ Цит. по: День. — № 10. — 1992, 8-14 марта.

² День. — № 2. — 1992, 10-18 января.

³ Наша Россия. — № 6. — 1992. — С. 2-3.

империю, которую необходимо разрушить; доказать, что Советский Союз не был архитектором победы во Второй мировой войне, является аналогом фашистского строя; взвинтить гонку вооружений и окончательно деформировать советскую экономику; разжечь национализм, взорвать страну изнутри; с помощью агентов влияния захватить средства массовой информации и разрушить коллективистские основы государства»¹.

Последствия политики «нового политического мышления», целью которой было вхождение Советского Союза в «сообщество цивилизованных государств», оценивались отдельными авторами как трагические для Российской Федерации, которая находилась, по их утверждению, на грани расчленения все теми же «темными силами» Запада. Оценивая Россию как континентальный центр — «хартленд» Евразии, они предупреждали, что Россия остается очень притягательной территорией, так как обладает самыми богатыми ресурсами в мире. Расчленение России несколькими крупными группировками капиталистических стран, по их мнению, обернется трагедией не только для России, но и для мирового сообщества. Курс на ускоренное, хищническое потребление ресурсов жизнеобеспечения быстро истощит российские природные кладовые, и капиталистические страны вновь столкнутся с проблемой нехватки ресурсов и вынуждены будут начать борьбу между собой за остатки этих ресурсов².

Концептуальное оформление идея предумышленного разрушения Российского государства получила в дискуссиях о «евразийском и атлантическом противостоянии», которые развернулись на страницах газеты «День» и ряда других периодических изданий, таких как «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Литературная Россия», «Русский вестник». Основная мысль, высказывавшаяся сторонниками концепции противостояния «евразийцев» и «атлантистов» А.Г. Дугиным, А.А. Прохановым, Ш.З. Султановым и другими, сводилась к тому, что все происходившее на постсоветском пространстве, было продолжением исторического противоборства между силами, представляющими интересы «островных»

¹ Литературная Россия. — № 30. — 1992, 24 июля.

² Гудков Е. Цивилизаторы и Россия. — С. 111-114.

государств – США и Великобритании, и «континентальных» государств – России, Китая, Европы¹.

Один из участников дискуссии, В.В. Штепа отмечал, что существование Российского государства и затем Советского Союза сдерживало натиск «атлантистов». Однако развал СССР поставил Российскую Федерацию в весьма уязвимое положение под натиском «атлантистов». В.В. Штепа высказал предположение, что положение России в изменившихся условиях будет ухудшаться по той причине, что США превращают Европу в «новые Соединенные Штаты», поэтому Евразия оказывается перед лицом исторического вызова – сумеют ли евразийские государства сохранить свою национальную, духовную и политическую независимость, или предпочтут «исторически стерилизованное существование в общечеловеческой клетке “нового мирового порядка”»².

Конец биполярного мира и сверхдержавности СССР воспринимался рядом политологов консервативной ориентации как событие, которое имело негативные последствия для исторического места и предназначения России. Политолог Н.А. Нарочницкая отмечала в 1992 году следующее: «Развал СССР и проведение политики «превращения России в Запад» привели к тому, что Россия потеряла ощущение своего предназначения, своей роли в мире. Сформировавшись в течение веков как евразийская держава, она стала хранительницей равновесия между Востоком и Западом. С началом установления «нового мирового порядка» игнорируются ее извечные геополитические и цивилизационные реальности, попираются исторические преемственные интересы». По мнению Н.А. Нарочницкой, все действия Запада были направлены на проникновение в регионы, куда США и другие западные страны проникнуть не могли, и установление своего влияния, чтобы превратить Россию в отсталые задворки, инструмент политики против различных противодействующих сил на Востоке: «“мировое латинство” (США) ведет борьбу против “азиатского духа”, а России более подходит нейтральная позиция»³.

¹ Отдельные материалы дискуссий о «евразийстве» и «атлантизме» публиковались в номерах газеты «День» в январе и марте-апреле 1992 г.

² Наш современник. – 1992. – № 8. – С. 129-135.

³ Нарочницкая Н.А. Драма распада. Что в финале? // Литературная Россия. – № 35. – 1992, 28 августа. – С. 2-4.

В более поздней работе Н.А. Нарочницкая подтвердила свои взгляды на политику Запада в отношении России. Она отмечала, что прием России в Совет Европы на Западе постарались обставить, как экзамен на «цивилизованность» перед неким IV «демократическим Интернационалом», наделенным ролью арбитра в выборе духовно-исторического пути, а торжественная капитуляция тысячелетней русской цивилизации перед западно-либеральными ценностями была тщательно замаскирована под прощение с «тоталитаризмом». По мнению Н.А. Нарочницкой, вся история отношения Запада к России в лице Советского Союза в XX веке — «это маскарад, имитирующий борьбу с большевизмом, и главной целью и смыслом политики Запада в XX веке было увековечить все содеянное в 1917 году с Россией, т.е. распятие ее духовно-исторической ипостаси и расчленение на произвольно выкроенные территории. Советский Союз был приговорен именно за то, что после мая 1945 года он перестал быть в “нужной” мере антиРоссией»¹.

Взвешенные и менее эмоциональные оценки судьбы СССР были сделаны во второй половине 1990-х годов. Авторитетный политолог С.В. Кортунов, посвятивший ряд работ вопросу национальной идентичности России после распада СССР, достаточно подробно проанализировал причины происшедшего и оценил результаты окончания эпохи биполярного противостояния. Отметив, что нельзя отрицать участие Запада, прежде всего США, в развале СССР, он выразил несогласие как с крайними оценками представителей левой оппозиции в России, так и с заявлениями западных лидеров о том, что СССР распался исключительно благодаря последовательной и твердой политике США и их союзников. По мнению С.В. Кортунова и многих других российских историков и политологов, те сложнейшие внутренние, поистине тектонические процессы, которые переживал СССР в 1980-е и Россия в 1990-е годы, были порождены в основном внутренними, а не внешними причинами. «Верх глупости и самонадеянности, — заявил политолог, — записывать все эти процессы себе в победу, как это делают американцы. Историческая же правда состоит в том, что советская коммунистическая система,

¹ Нарочницкая Н.А. Политика России на пороге третьего тысячелетия //Международная жизнь. — 1996. — № 9. — С. 26-40.

накопив внутренние противоречия, распалась, взорвалась изнутри... распад советской системы, коммунистического режима (но не Большой России) — процесс, прежде всего внутренний, естественный и неизбежный, поскольку и система, и режим оказались основанными на шатком фундаменте»¹.

Среди внутренних факторов, оказавших определенное влияние на судьбу Советского Союза и проводившихся реформ, по мнению ряда российских политологов, следует назвать роль элиты². Не только С.В. Кортунов считает, что историческая трансформация страны от тоталитаризма к свободной и демократической модели развития, от административно-командной системы к рыночной экономике и правовому государству, от закрытого к открытому обществу могла быть проведена и без распада СССР, если бы не целый ряд грубейших стратегических просчетов, допущенных правящей элитой позднего Советского Союза. Согласно такой точке зрения, большую долю вины несет и национальная элита в целом, оказавшаяся в результате внутренней трансформации полностью деморализованной и расколотой, неспособной осуществить конструктивное обновление национальных ценностей и идеалов, создать жизнеспособную стратегию развития страны, выработать такие нейтрализаторы и иммунные идеологические механизмы, которые свели бы на нет негативные разрушительные последствия краха коммунистического режима. В этом — и только в этом — смысле, полагает С.В. Кортунов, можно и нужно говорить об общенациональном поражении страны³.

В непосредственной связи с вопросом о причинах распада СССР стоял в дискуссиях и вопрос об итогах холодной войны. Большинство американского политико-академического сообщества разделяет утверждение о том, что холодная война закончилась победой Запада благодаря усилиям США. Такую оценку результатов биполярного противостояния признала и часть российских специалистов-международников. Однако существует и иная точ-

¹ Кортунов С.В. Имперские амбиции и национальные интересы. Новые измерения внешней политики России. — М., 1998. — С. 139-169.

² Этой теме посвятил ряд статей авторитетный историк и политолог А.И. Уткин. См., например: Наша и «эта» страна. О грехе нетерпения и неумной гордыне //НГ — сценарии. — 1997, 9 декабря; Почему исчез Советский Союз //Независимая газета. — 1997, 31 декабря.

³ Кортунов С.В. Имперские амбиции и национальные интересы. — С. 156.

ка зрения, сторонники которой рассматривают итоги этого исторического периода не только в категориях «победы» одной и «поражения» другой сверхдержавы.

В США и на Западе основными аргументами, доказывавшими поражение советской системы, назывались распад СССР, Организации Варшавского договора, неудачи советской экономической модели и внешней политики СССР в третьем мире и т.д. Отмечалось, что последовательная наступательная политика Запада ускорила процессы разложения советской системы и ее крах. С этим соглашались многие российские либеральные внешнеполитические эксперты и политические деятели. К 1996 году факт поражения Советского Союза в холодной войне с Западом был признан и частью представителей народно-патриотической оппозиции.

В документе «Россия на пороге XXI века», отражавшем взгляды представителей народно-патриотического блока, были обобщены оценки положения России в современном мире и представлены соображения относительно перспектив ее внешнеполитической деятельности. В нем, в частности, отмечалось, что «холодная война завершилась полным поражением одной из сторон, в результате чего кардинально нарушилось существовавшее ранее мировое равновесие сил»¹.

С.М. Рогов, выразивший взгляды значительной части либерально мыслящих ученых, также писал: «Не будет преувеличением говорить о нынешней ситуации как о послевоенном урегулировании. Холодная война вполне сопоставима с такими крупными историческими военно-политическими конфликтами, как наполеоновские или Первая и Вторая мировые войны. Как известно, каждый раз после завершения противостояния начинался передел мира. С этой точки зрения, нынешний этап принципиально не отличается от предыдущих, хотя речь не шла о битве на полях сражений. Думаю, надо честно признать, что холодная война закончилась победой Запада и поражением Советского Союза»².

Однако отдельные российские политологи, историки, философы, признавая неблагоприятный для России исход периода холодной войны, обращали внимание на игнорирование факта добровольности в действиях СССР внутри и вовне. Так, Э.Я. Баталов

¹ Россия на пороге XXI века. Современные проблемы национально-государственного строительства РФ. — М., 1996. — С. 243.

² Рогов С.М. Нас вытаскивают из Европы // Век. — 1996, 25-31 октября.

отмечал, что распространённое представление о победе США над СССР в холодной войне лишено достаточных оснований: «Не под давлением Запада развалился Советский Союз, хотя за океаном и в Европе имелись мощные силы, всячески этому способствовавшие. Не под напором НАТО рухнул Варшавский договор. Не Соединённые Штаты и их друзья вынудили СССР спешно уйти из Восточной Европы на невыгодных для него условиях. Не Америка, Франция или Германия заставили наших лидеров совершить в перестроечные и постперестроечные годы массу неуклюжих «па», обернувшихся в итоге против России. Да, Советский Союз потерпел поражение. Но не в холодной войне с Западом, длившейся четыре с лишним десятилетия, а в соревновании между тоталитарным социализмом и современным капитализмом, начавшемся в октябре семнадцатого года и продолжавшемся на протяжении трех четвертей века. Многие мины замедленного действия, взорвавшие советскую экономическую и политическую систему, были заложены задолго до холодной войны. И не иностранными диверсантами, а нашими собственными политиками»¹.

Несогласие с тезисом о поражении СССР в холодной войне высказывал и С.В. КОРТУНОВ². Он считает, что получили распространение несколько мифов о положении России и ее политике после окончания холодной войны, которые не отражают истинного положения вещей и создают неверные представления об истории и будущем развитии России. К их числу политолог отнес следующие:

– *Россия проиграла холодную войну* – это миф заморского происхождения, разработанный с целью мобилизовать американцев к руководящей роли в мире. Указанный миф деморализует россиян, создает у них чувство уязвленного самолюбия, усугубляет национальный комплекс неполноценности.

– *Новая Россия – это та же «империя зла», которая поменяла свою вывеску. Россия проводит имперскую политику в ближнем зарубежье, она является такой же империей, как бывший СССР или дореволюционная Россия* – этот миф выгоден и США, и НАТО, ищущей своего врага ради собственного сохранения.

¹ Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта //США*Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 12. – С. 33-34.

² КОРТУНОВ С.В. Россия: национальная идентичность на рубеже веков. – М., 1997. – С. 20.

– Империи безвозвратно ушли в прошлое – этот миф также выгоден США, которые остаются величайшей и могущественной экономической и финансовой империей. Экономическими империями являются Япония и Германия. Россия как носительница евразийской цивилизации и многонациональной общности обречена быть империей. В противном случае она исчезнет с лица земли, распадется на множество карликовых и лимитрофных государств со всеми вытекающими из этого чудовищными последствиями для всего мира¹.

Дискуссионным оставался вопрос о том, когда закончилась холодная война и закончилась ли она вообще. Многие российские и американские историки и политологи называют концом конфронтационного периода 1989 год, когда было достигнуто соглашение по Германии.

С.В. Картунов полагает, что можно было бы назвать более раннюю дату – 1985 год, когда к власти пришло новое поколение руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым. К этому моменту необходимость окончания конфронтации твердо сознавалась всем обществом. Политолог высказал мнение, что, несмотря на конец конфронтационности, в конце 1990-х годов было преждевременно говорить об окончании холодной войны. Одним из самых сильных аргументов в пользу такого вывода С.В. Картунов назвал сохранение доктрины «ядерного сдерживания» России, которая при администрации Клинтона оставалась неотъемлемой составной частью военно-политического мышления и планирования США². Он сослался на секретную директиву, подписанную президентом США Б. Клинтон в ноябре 1997 года, ставшую, скорее всего, с ведома Белого дома достоянием гласности. В этом документе, определяющем общие цели и задачи, поставленные перед американскими стратегическими ядерными силами, сохраняется возможность нанесения ядерного удара по российским военным и гражданским объектам³. Вторым признаком того, что холодная война не вполне закончена, он назвал начало геополитического наступления США, предпринятого после того, как холодная война была объявлена достоянием прошлого.

¹ Картунов С.В. Россия: национальная идентичность на рубеже веков. – С. 33-42.

² Картунов С.В. Имперские амбиции и национальные интересы. – С. 147-151.

³ Независимая газета. – 1997, 8 декабря.

С.В. КОРТУНОВ сделал вывод о том, что если Россия в конце 1980-х годов в самом деле закончила холодную войну с Западом (напомним еще раз: вывод войск из Восточной Европы, ликвидация ОВД, объединение Германии, односторонние сокращения тактического ядерного оружия, прекращение ряда военных программ, «ропуск» СССР – все это было осуществлено добровольно, без всякого давления извне), то последний эту войну скорее продолжал. «И пока Россия упивалась новым мышлением, – признал С.В. КОРТУНОВ, – Запад сумел интерпретировать Парижскую хартию 1990 года, в которой содержится его обязательство вместе с Россией строить Большую Европу, как геополитическую капитуляцию, как отказ России от идеи исторической преемственности, и, следовательно, от исторических и послевоенных основ своей внешней политики, от традиционных сфер влияния».

О тенденции к игнорированию роли Советского Союза в окончании холодной войны и, соответственно, к принижению роли России в постбиполярном мире писали отдельные американские политологи уже в 1991 году. Ослабление позиций СССР в мировой политике породило опасение, что руководство США отойдет от взаимодействия с Советским Союзом. Г. Аллисон и Р. Блэквилл обратили внимание на то, что после победы коалиционных сил стран НАТО во главе с Соединенными Штатами (в Ираке) многие начинали забывать или игнорировать тот факт, что без поддержки СССР такая акция вряд ли стала бы возможной¹.

По мнению политологов, это свидетельствовало об изменениях во взглядах американских политиков и ученых на итоги холодной войны и роль Советского Союза в окончании конфронтационного периода. Стал замалчиваться тот факт, что позитивные изменения в международных отношениях, достижения Запада были не только результатом деятельности западных стран, но и заслугой СССР и его руководства. Г. Аллисон и Р. Блэквилл объявили необоснованными заявления, согласно которым у Советского Союза не было другого выхода, кроме сдачи своих позиций, в частности в Восточной Европе. Они заявили, что подписание договоров по обычным вооружениям, по сокращению стратегических вооружений, развитие механизмов двусторонней

¹ Allison G. and Blackwill R. America's Stake in the Soviet Future // Foreign Affairs. – Vol. 70. – № 3 (Summer 1991). – P. 77-97.

инспекции по выполнению подписанных договоров, вывод войск из Афганистана, объединение Германии, поддержка акции против Ирака, невмешательство в дела стран Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, которые прежде находились в сфере коммунистического влияния, положительное решение вопроса эмиграции были инициированы и осуществлены СССР и лично М.С. Горбачевым.

Сторонники сохранения партнерских отношений с СССР и с Россией, в случае распада Советского Союза, который предугадывался отдельными экспертами незадолго до этого события, считали, что в партнерстве двух стран заложен успех преобразования Европы, развитие стабильного Ближнего Востока и АТР, дальнейший прогресс в процессе разоружения и контроля над распространением оружия массового уничтожения. Подчеркивалось, что ставки США в отношениях с Советским Союзом были не менее значимыми в новых международных условиях, нежели ставки в годы холодной войны. Признавая факт снижения статуса СССР, многие американские ученые признавали, что СССР по-прежнему оставался великой мировой державой по таким параметрам, как территория, население, природные ресурсы, ядерное оружие, вооруженные силы, интеллектуальный потенциал, культура.

Однако эта точка зрения не возобладала. После распада Советского Союза произошла переоценка результатов советско-американских отношений в 1985–1991 гг., были внесены коррективы в международную стратегию США. Прежде всего, был предложен иной взгляд на действия Советского Союза в годы перестройки. Авторитетный специалист по международным отношениям Р. Хантер оценил политику СССР, как стратегическое отступление, выразившееся в отказе от всех позиций в Европе, достигнутых в результате победы в Великой Отечественной войне; разрушении всех своих внешних форпостов; помощи Западу в военной операции против своего бывшего союзника; добровольном роспуске Союза. Р. Хантер заявил, что «Советский Союз не только сдал все свои международные позиции, но и потерял свой внутренний потенциал.... Отступление Советского Союза — это не только тактическое или стратегическое действие, это структурное изменение, в результате которого СССР, а после распада и все

бывшие советские республики утратили возможность играть заметную роль в мировых делах в обозримом будущем»¹.

Обращает на себя внимание сходство такой позиции с оценками политики СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов, которые давал Г. Киссинджер. К ней склонялась значительная часть представителей американского внешнеполитического сообщества, как консерваторы, так и либералы. Среди американских ученых широкую известность получила работа Дж. Гэддиса, который никогда не был большим другом Советского Союза, однако считал необходимым дать более исторически выдержанную оценку происшедшего. Существует ряд принципов, которые, по его мнению, необходимо соблюдать при оценке того или иного исторического события, исторического периода, а именно: проявлять великодушие к бывшим врагам; не приобретать новых врагов; руководствоваться перспективным видением; привести в соответствие конечные цели и средства их достижения; не руководствоваться эмоциями при принятии решения; не бояться признать ошибочность того или иного решения².

Статья Дж. Гэддиса была написана под воздействием событий, связанных с расширением НАТО, которое он рассматривал как ошибочное. Он высказал ряд соображений, которые совпадают с мнением многих российских историков и политологов и сводятся к следующему.

Нежелание ведущих мировых держав включить после окончания Первой мировой войны Германию и Советскую Россию в международное сообщество, их изоляция, а в случае с Россией – интервенция, предопределили последующее развитие предпосылок для развязывания Второй мировой войны. История диктует: нельзя повторять прежние ошибки. Россия должна быть принята в международное сообщество, и ей должна быть оказана помощь в преодолении кризисной ситуации. Такая политика диктуется и тем фактом, что Советский Союз фактически не был военным оппонентом, не проиграл войну на поле сражений. Его распад был добровольным и был предопределен внутривнутриполитическим разви-

¹ Hunter R. Starting at Zero: U.S. Foreign Policy for the 1990s // The Washington Quarterly. – Vol. 15. – № 1 (Winter 1992). – P. 27-42.

² Gaddis J. History, Grand Strategy and NATO Enlargement // Survival. – Vol. 40. – № 1 (Spring 1998). – P.145-151.

тием. Результаты холодной войны не могут рассматриваться в категориях победителей и побежденных. Администрация Клинтона относится к России как к стране, проигравшей холодную войну. Более того, она стремится сохранить и расширить военный альянс, который является наследием холодной войны, и Россия остается за пределами НАТО. При этом предполагается, что Россия, как проигравшая страна, должна «проглотить» любую политику, которую предлагает страна-победитель — Соединенные Штаты. Избранная администрацией стратегия может привести к отчуждению России, которая остается крупнейшей военной державой и потенциально может возродиться как крупная региональная держава. Нельзя исключать, что, несмотря на все существующие противоречия, произойдет сближение России и Китая, возможной сверхдержавы XXI века. Такой альянс невыгоден США.

Дж. Гэддис справедливо, на наш взгляд, указывал на то, что, хотя «советская угроза» перестала существовать, в США продолжал жить миф о новой угрозе из России, и это, по его мнению, не способствовало стабильности как в двусторонних, так и в международных отношениях. Он высказал мнение, что следует отказаться от постоянного упоминания о возможности возникновения угрозы из России, поскольку она не является полноценным демократическим и стабильным государством.

Аналогичное мнение высказывал и Дж. Кеннан, который без энтузиазма воспринял усиление тенденции к гегемонии со стороны США, преувеличение роли США в холодной войне и умаление роли СССР, а затем и современной России в мировой истории. Он отмечал, что Россия имеет не только богатую историю и культуру, но и располагает колоссальным природным и интеллектуальным потенциалом для возрождения в качестве ведущей мировой державы, и от того, с кем она будет, по какому пути пойдет ее внутривнутриполитическое развитие, во многом будет зависеть мировое развитие.

По мере того, как разворачивалась американская глобальная стратегия и политика Российской Федерации приобретала более четкие очертания и независимость от США, становилось все более очевидно, что невозможно развивать отношения между двумя державами, оглядываясь на годы холодной войны, повторяя тезисы о «победе» Запада и о «поражении» России. Как представляется, подтвердилась правота точки зрения тех американских и рос-

сийских политологов, которые не были склонны к эйфории по поводу победы Запада и к излишней драматизации «российской трагедии» в связи с крахом СССР. Нагнетание страстей вокруг теории заговора не способствовало мобилизации российского общества для продолжения реформ, для выгодного взаимодействия с Западом в экономической области, для диалога с ним по проблемам мирового развития и выживания человечества.

Можно согласиться с С.В. Кортуновым и С.Е. Кургиняном, что катастрофы бывают трех типов. Во-первых, катастрофы истощения, при которых потенциал цивилизованного сообщества выработан, и в связи с этим возникает цивилизационный фатум — смерть цивилизации; во-вторых, катастрофы сдвига, при которых механизмы влияния общества на элиту и механизмы выдвижения обществом своего управляющего меньшинства становятся неэффективными; в-третьих, катастрофы инверсии или инверсионные катастрофы, при которых происходит перерождение управляющих систем и их включение в новые шифры и коды при сохранении национальной идентичности. Катастрофа крушения СССР — это катастрофа сдвига и в какой-то степени — инверсии. Но никак не катастрофа истощения. А потому ее последствия — устранимы. Новая модель национального развития должна учесть весь опыт катастроф, сопровождавших российскую историю, и содержать эффективные механизмы их предотвращения в будущем¹.

Геополитическое положение и уязвимость России

Российские политологи, оценивая положение Российской Федерации после 1991 года, были единодушны в том, что расклад сил в мире для страны, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, был неблагоприятным: Россия утрачивала геополитическое влияние, потеряла многих союзников; Содружество Независимых Государств не стало аналогом СССР, в нем сохранялись противоречия и развивались неблагоприятные для Российской Федерации тенденции. Высказывались опасения относительно дальнейшего ограничения международного статуса России. Наиболее остро, почти апокалипсически, об этом написал Э.А. Поздняков, назвавший распад

¹ Кортунов С.В. Имперские амбиции и национальные интересы. — С. 161-162.

СССР и последовавшие события геополитической катастрофой. Будучи сторонником геостратегической концепции английского географа Х. Маккиндера, Э.А. Поздняков рассматривал проблему статуса России в новых международных условиях с позиций этой теории, в соответствии с которой Россия, занимающая центральную позицию на континенте — Сердцевинную землю — Хартленд, является держателем мирового цивилизационного и силового баланса. На основании этого делался вывод: «...тот, кто имеет контроль над Хартлендом, владеет средством эффективного контроля над мировой политикой и прежде всего средством поддержания в мире геополитического силового баланса, без которого немислим стабильный мир... Отсюда роль и задачи России как центра Хартленда, отсюда же должны брать начало ее ключевые национально-государственные интересы»¹.

Прогнозы серьезных катаклизмов как вокруг России, так и внутри страны выводились из того, что ослабление России после краха СССР, растаскивание Сердцевинной земли на куски, активизация различных политических сил, которые стремятся реализовать свои интересы в России, на постсоветском пространстве и в Европе, привели к тому, что возникла опасность геополитической разбалансированности мира. Высказывался прогноз, что лавина геополитических изменений может стать неуправляемой, может начаться передел границ не только России, но и других сопредельных государств.

Точка зрения Э.А. Позднякова не принималась безоговорочно многими политологами, считалась излишне эмоциональной (хотя и не лишенной доли правды). Однако большинство специалистов по внешней политике признавали, что Российская Федерация оказалась в очень сложной и неблагоприятной геостратегической ситуации, и хотя она не участвовала в холодной войне, ей как государству-наследнику придется нести бремя ее последствий и платить за них цену.

Так, С.М. Рогов писал: «Было бы наивно рассчитывать, что можно ограничиться простой подменой понятия СССР в привычных формулах международной политики понятием Россия. Российская Федерация, хотя и стала правопреемницей Советского Союза и Российской империи, отнюдь не является той же страной, лишь сме-

¹ Поздняков Э.А. Геополитический коллапс и Россия. — С. 14-15.

нившей название. Ведь такого государства, как сегодняшняя Россия, раньше не было ни политически (демократическое устройство), ни экономически (либеральное рыночное хозяйство), ни даже географически (в унаследованных от РСФСР границах). Новой России еще предстоит определить свою идентичность, свой характер, свои национальные интересы, свое место в современном мире»¹.

В ряде работ отмечалось, что по состоянию социально-экономического развития Россия не может быть отнесена к числу сверхдержав и этот статус ей в настоящий момент не нужен и не посилен. Даже с ролью великой державы она справляется с большим трудом, так как не имеет для этого необходимых политических, экономических и военных ресурсов и не в состоянии проводить глобальную внешнюю политику, сходную с той, которую проводил Советский Союз. Хотя Россия остается центром притяжения на постсоветском пространстве, отношения со странами СНГ отличаются от обычных межгосударственных отношений, не всегда ей выгодных².

В 1996 году, после неудач российской внешней политики в ближнем и дальнем зарубежье, Е.М. Примаков, назначенный на пост министра иностранных дел, заявил, что при переходе от двухполюсного мира к многополюсному резко ослабли центростремительные силы по отношению к России. После распада Организации Варшавского договора, а затем и СССР страны Центральной и Восточной Европы в своем преобладающем числе перестали ориентироваться на Россию, выступившую в качестве преемницы Советского Союза. Основательно ослабли связи России с суверенными странами СНГ³.

Отдельные политологи признавали, что Россия потеряла статус глобальной державы, сойдя на уровень державы региональной. Однако обращалось внимание на тот факт, что Российская Федерация остается особенной региональной державой, расположенной в двух частях света, охватывающей несколько регио-

¹ Рогов С.М. Россия и США в многополярном мире. С. 8.

² Цит. по: Колчин С.В. Россия — ближнее зарубежье: взаимоотношения, интересы, цели политики //Мировая экономика и международные отношения. — 1995. — № 4. — С. 48.

³ Примаков Е.М. На горизонте — многополюсный мир. Международные отношения накануне XXI века: проблемы и перспективы //Независимая газета. — 1996, 22 октября.

нов мира, имеющей уникальную возможность утвердиться как трансрегиональная держава.

Оценивая возможности России, историк Ал. А. Громько отмечал, что США, Европа во главе с Германией, Китай и Россия как лидер СНГ, с явным отрывом от других претендуют на роль мировых геополитических центров в XXI веке. Однако Россия — экономически самая слабая из перечисленных лидеров, ее политическая система не стабилизирована, не решены до конца проблемы территориальной целостности. По мнению историка, поначалу США были не против создания российско-американской оси — гегемона в международных делах, что было своеобразной ностальгией по стабильности и предсказуемости мира в годы холодной войны. Последовавшее катастрофическое ослабление России не оставило ей шанса использовать это свойственное американцам стремление к рациональности, в том числе в упорядочении мироустройства¹.

Философ Н.С. Розов также обратил внимание на невыгодность новой геополитической ситуации для России. Согласно его утверждению, к концу XX века многие из благоприятных факторов развития России в течение пяти веков ее расширения, перестали действовать. Россия оказалась в ситуации хронического недостатка мобилизационных ресурсов, с крайне слабой по современным меркам сетью внутренних коммуникаций, а главное — в геополитически невыгодном уже не окраинном, а центральном положении между такими силами, как:

- Западная и Центральная Европа с поддержкой НАТО;
- мир ислама (прежде всего Турция и Иран), давно претендующий на установление протектората над Средней Азией и Кавказом;
- Китай, бурно растущий в демографическом, экономическом, технологическом и военном аспектах, не свободный от имперско-экспансионистских намерений;
- богатейшая Япония, ведущая экономическая держава, с которой до сих пор не подписан мирный договор из-за Курильского территориального конфликта;

¹ Громько Ал. А. Геополитика сегодня и завтра. У России пока нет ясной концепции национальных интересов // Независимая газета. — 1996, 19 сентября.

— главная военная держава Мирового океана — США, где всерьез обсуждаются идеи выкупа и присоединения Чукотки, Камчатки, Якутии, Восточной и даже Западной Сибири.

По мнению Н.С. Розова, очевидное экономическое преимущество соседей неминуемо приведет к их военно-техническому и военно-политическому усилению, если не превосходству. Будучи в центральном положении, Россия вынуждена будет постоянно перебрасывать худеющие ресурсы из одной пограничной конфликтной зоны в другую, что не будет способствовать улучшению и стабилизации ее внутри- и внешнеполитической ситуации¹.

Представители левой оппозиции при оценке статуса Российской Федерации обращали внимание почти на те же «болевые точки», что и либеральные ученые, однако они часто были склонны излишне драматизировать ситуацию, оперировали категориями времен холодной войны, что лишало их критику конструктивизма, необходимого для решения существовавших внешнеполитических проблем.

Так, в ряде статей Г.А. Зюганова подчеркивалось, что происходил прогрессирующий распад целостности России как субъекта мировой истории и культуры. Сравнивая Россию с Древним Римом, он писал следующее: «Катастрофы подобного рода известны с давних времен. Все великие цивилизации, покинувшие мировую арену, — будь то языческий Рим или христианская Византия, — прошли этот губительный процесс... Под влиянием внутренних распрей и внешнего давления распадалось государственно-территориальное, культурное и нравственно-религиозное единство, позволявшее обществу сохранять историческую преемственность, политическую стабильность, осмысленность личного, семейного и государственного бытия»².

Политологи из числа представителей народно-патриотической ориентации отмечали следующее: «Геополитическое положение России после распада Союза не находит себе аналогов в истории. Царская Россия, при всех ее слабостях, была одной из первых скрипок в мировой политике... Что касается Советского

¹ Розов Н.С. Парадокс державности. Место России в мире XXI века как проблема исторического самоопределения // Независимая газета. — 1996, 31 мая.

² Зюганов Г.А. Смута. Новые бояре готовы принести интересы России в жертву своим интересам // НГ-сценарии. — № 7. — 1996 (октябрь).

Союза, то нельзя отрицать его колоссальную мировую роль во всей системе международных отношений. Именно в советский период наша страна стала второй державой мира, от позиции которой реально зависело решение любой крупной международной проблемы. Национально-государственные интересы страны были надежно гарантированы, и ее геополитическое положение в полной мере отвечало ее потенциалу». Признавалось, что Россия унаследовала от СССР статус великой державы, даже сверхдержавы, но чисто внешние параметры этого статуса имели иное содержание, ее военно-стратегические позиции в значительной степени оказались подорванными; оставаясь второй по военной мощи державой мира, она была низведена до уровня, не соответствовавшего статусу великой державы. Подтверждалось, что Россия вступила в меняющийся мир на новых условиях, ее политика начинается с новых геополитических рубежей, которые накладывают ограничения на возможности этой политики, определяют сужающиеся масштабы ее влияния на мировой арене. Признавалось, что даже при национально ориентированной политике поведение России на международной арене все равно будет испытывать воздействие новых геополитических реальностей, что Россия может быть лишена возможностей проводить линию, в полной мере отвечающую ее статусу великой державы¹.

Отдельные авторы особо отмечали факт резкого падения роли России в системе международных отношений в результате продолжавшегося всестороннего экономического, политического и духовного кризиса общества, подчеркивая, что Россия все больше превращалась из субъекта мировой политики в объект, что степень ее воздействия на ход международных отношений катастрофически падала. Высказывалась мысль о том, что Россия перестала проводить глобальную политику, хотя ее место и удельный вес в международных отношениях давали право на глобальный масштаб международной деятельности, и она не может быть обречена на роль крупной региональной державы. В сложившемся противоречии авторы усматривали иррациональность, устранить которую России будет нелегко.

¹ Россия на пороге XXI века. Современные проблемы национально-государственного строительства РФ. — С. 242-244.

О важности сохранения Россией статуса великой мировой державы и невозможности подмены его статусом региональной державы писал политолог А.Г. Дугин. Он отмечал, что после распада СССР Запад стремился навязать России другую геополитическую функцию, превратить ее в такую политическую структуру, которая не была бы способна напрямую участвовать в мировой политике и выполнять широкую цивилизационную миссию. Статус региональной державы, предлагавшийся России Западом, по его мнению, был равнозначен самоубийству, так как Россия как региональная держава будет являть собой отказ от того глубинного импульса нации, который лежит в основе ее высшей и глубиннейшей идентичности, произойдет падение их универсалистских и мессианских чаяний, обесценивание и развенчание всей национальной идеологии¹.

На необходимости сохранения статуса великой державы и мессианского компонента в международной деятельности России в XXI веке настаивал С.В. КОРТУНОВ. В современном мире, отметил он, стремительно нарастают мощнейшие импульсы национализма и господствует глубокая социально-экономическая, политическая и идейная разобщенность, однако происходит и неуклонное движение мира к исторической общности. Он убежден, что в этих условиях рано или поздно должен появиться и носитель объединительной миссии, на роль которого претендуют США. Однако, по мнению С.В. КОРТУНОВА, они не располагают «необходимыми морально-волевыми, духовно-идеологическими, культурно-историческими факторами, которые необходимы больше, чем чисто военные и экономические (являющиеся без первых факторов лишь «мускулами» без «мозга») для осуществления функции доминирующей, объединяющей и господствующей силы новой цивилизации»². Эту роль могла бы выполнить Россия, считает политолог, в чем с ним соглашается Э.Я. БАТАЛОВ, полагающий, что «Русская идея» и российское мессианство исчезнут только с исчезновением российской цивилизации³.

¹ Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. — М., 1997. — С. 193-213.

² КОРТУНОВ С.В. Россия: национальная идентичность на рубеже веков. — С. 20.

³ См.: БАТАЛОВ Э.Я. Русская идея и Американская мечта. — М., 2001.

При обсуждении вопроса о статусе и возможностях Российской Федерации, о том, какова ее миссия — глобальная, великодержавно-региональная (евразийская) или узкорегionalная (территория СНГ), — неизбежно вставал вопрос о потенциале нового российского государства (экономическом, военном, идеологическом), который оно может использовать для реализации избранной модели поведения на международной арене. Многие российские политики и внешнеполитические эксперты заговорили о «факторе уязвимости» России после распада СССР, без учета которого, по их мнению, невозможно было подойти к формулированию новой внешнеполитической стратегии.

Не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса об экономической, военной, территориальной уязвимости России после 1991 года, для чего потребовался бы специальный анализ каждой из составляющих кумулятивной мощи российского государства, представляется необходимым все же остановиться на отдельных публикациях, в которых поднимался данный вопрос.

Сложность внутривластной и экономической ситуации в России, тяжелое положение в Вооруженных силах страны и ВПК, интерпретировались политиками и учеными по-разному, давались и разные рекомендации по исправлению ситуации.

Часть политических деятелей и внешнеполитических экспертов сохраняли апокалипсическое восприятие всего, что происходило в Российской Федерации, прямо увязывая это с причинами и последствиями краха СССР, политикой США и Запада. Отмечалось, что «Россия стала страной сплошных катастроф, вследствие главной, глобальной катастрофы — крушения СССР, его экономической и политической системы, когда в обстановке хаоса, неуправляемости, депрессии не может нормально, без срывов и ЧП, функционировать ни одна отрасль»¹.

Особенно резкой критике подверглись экономическая политика правительства России и ее автор Е.Т. Гайдар. В частности, говорилось следующее: «Авантюрная политика президента России и возглавляемого им кабинета привела республику на грань катастрофы. Преднамеренными действиями правительства республика ввергнута в тяжелейший экономический кризис, развалена фи-

¹ Россия на пороге XXI века. Современные проблемы национально-государственного строительства РФ. — С. 112-113.

нансовая система, свирепствует гиперинфляция». Авторы такой характеристики, среди которых были лидеры консервативной оппозиции В.В. Аксючиц, М.Г. Астафьев, С.Н. Бабурин, В.Б. Исаков, заявляли также о том, что экономическая политика проводилась под руководством заинтересованных кругов США и мирового капитала; программа «500 дней» направлялась Международным валютным фондом, в результате чего Россия все более скатывалась на положение поставщика сырья США и ведущих западных стран¹.

Отдельные экономисты, принадлежавшие к консервативной оппозиции, обращали внимание на тот факт, что американская экономическая модель не может служить образцом для подражания, так как США являются крупнейшим мировым должником; США и западноевропейские страны уступают по темпам экономического развития азиатским странам; практика насаждения американской модели в странах Африки и Латинской Америки не оправдала себя и большинство стран этих континентов остаются экономически отсталыми странами².

Международные финансовые структуры и США обвинялись в экономическом развале России. Отмечалось, что «конвергенция, ведомая мировой финансово-политической элитой, имела целью образование единой глобальной сверхсистемы государств-марионеток, управляемых мировым центром-правительством; сверхсистемы с фасадом «американизма» и нищими задворками третьего мира»³. Интересно, что аналогичные мысли стали высказывать в 1999–2000 гг. противники глобализации, выступавшие с протестами и демонстрациями во время всемирных финансовых форумов.

Экономическая помощь Запада и США определялась как «финансовый империализм», «экономическая экспансия». В.М. Юровицкий, в то время эксперт Высшего экономического совета при Верховном Совете РФ, выступал за финансовую независимость России от американского доллара. Он писал, что военная и научная мощь США построены на деньги других стран, прежде всего стран третьего мира, что США стремятся подклю-

¹ День. — № 23. — 1992, 7-13 июня.

² Бородай С. Тоталитаризм: хроника и лихорадочный кризис // Наш современник. — 1992. — № 7. — С. 121-130.

³ См.: Литературная Россия. — № 10. — 1992, 6 марта.

читать все страны, возникшие на развалинах СССР, к своей финансовой системе, и в будущем это позволит им получать огромные доходы за те жалкие податки, которые они предоставляли слаборазвитым странам и России¹.

Скептицизм в оценке зарубежной помощи встречался и в мнениях отдельных либеральных экспертов и политиков. Она определялась как «троянский конь», с помощью которого американцы хотели бы разгромить самые перспективные отрасли российской экономики. Так, министр по атомной энергии В.Н. Михайлов заявлял в интервью газете «Московские новости»: «Американцы клятвенно заверяют нас, что помогут создать рыночную экономику. А на самом деле ведут жестокую торговую войну против России». Министр отмечал, что американцев, видимо, не устраивает возрождение российской экономики, они желают иметь Россию как сырьевой придаток².

Авторитетный специалист по международным проблемам О.Т. Богомолов прямо заявлял: «Экономическая и политическая зависимость правительства Ельцина-Гайдара от благосклонности США и «большой семерки» породила у населения и влиятельных общественных сил чувство небезопасности и уязвимости к давлению извне. Этому способствовали и плохо скрываемое вмешательство во внутренние дела России, открытая поддержка прозападных политических деятелей независимо от того, сколь непопулярны их действия внутри страны и разрушительны для ее промышленного, оборонного потенциала и утверждения демократии»³.

В 1996 году академик Л.И. Абалкин определил российскую экономику как «долговую экономику», показателями которой стали спад производства, бюджетный кризис и кризис финансово-кредитной системы. Главную опасность он усматривал в том, что кризис обретает не взрывной характер в виде единовременного, одномоментного обвала на фондовой бирже или в сфере инфляционных процессов, а принимает ползучую форму. По-

¹ Юровицкий В.М. В капкане МВФ //День. — № 24. — 1992, 14-20 июня.

² Московские новости. — № 35. — 1992, 30 августа.

³ Богомолов О.Т. Россия и Восточная Европа //Международная жизнь. — 1994. — № 4. — С. 27.

этому академик прогнозировал усиление кризисных процессов во всех сферах ¹.

Некоторые экономисты сделали еще более пессимистический вывод, заявив, что в результате реализации американской модели, выбранной в качестве образца для реформирования российской экономики, можно говорить об «успехах развития феодализма в России». И.А. Гундаров писал, что инициированная 3 декабря 1991 года либеральная экономическая реформа, основывавшаяся на тезисе о неспособности социалистической системы обеспечить эффективную экономическую политику, привела СССР в 1990–1991 гг. на край пропасти. Однако осуществление предложенной реформаторами экономической программы не способствовало улучшению экономики страны, а наоборот вызвало развитие негативных тенденций². К числу основных показателей несовершенства проводившейся политики, И.А. Гундаров отнес следующие:

1. Наиболее значительный спад отмечался в высокодоходных отраслях: за 1990–1995 гг. уменьшилась добыча нефти на 41%, газа – на 7%, угля (необходимого для внутреннего рынка) – на 33%, выработка электроэнергии – на 23%;

2. Сократились даже такие отрасли производства, которые по своей прибыльности могли быть определены как «курицы, несущие золотые яйца»: было в долгах сверхдоходное производство по добыче алмазов, в 10 раз сократились капиталовложения в геологоразведочные работы по поиску месторождений алмазов, стало невыгодно добывать золото (в 1996 г. спад добычи на 14%) из-за задолженности государства перед предприятиями этой отрасли;

3. Производство сельскохозяйственной продукции по всем категориям хозяйства упало к 1995 году до 54% от уровня 1990 года.

4. Величина золотого запаса, доставшегося в наследство России от СССР в размере 2,5 тыс. т., упала к началу 1996 года в 21 раз – до 115 тыс. т.;

5. Среди государств СНГ Россия занимала одно из последних мест по хозяйственной эффективности, пропустив вперед Узбекистан, Туркмению, Белоруссию, Украину, Казахстан, Армению.

¹ Абалкин Л.И. Долговая экономика. Социально-экономический кризис принял ползучую форму // Независимая газета. – 1996, 8 августа.

² Гундаров И.А. Успехи развития феодализма в России // Независимая газета. – 1996, 22 ноября.

На основе изложенных фактов, И.А. Гундаров сделал вывод о том, что «в России наблюдался цивилизационный парадокс реформ, вместо курса на построение цивилизованного общества вектор реформ развернулся в сторону цивилизационного регресса, и скорость антицивилизационных процессов настолько велика, что не гарантирует остановки регресса на стадии развитого феодализма».

Кризисное положение в экономике усугублялось осложнением социальной обстановки в стране. Социологические исследования, проведенные независимым Институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП) в декабре 1996 года, показали, что 73,9% процента опрошенных россиян оценили 1996 год как трудный и плохой для себя, а 91,3% — как плохой и тяжелый для страны; у 65-67% россиян самыми часто переживаемыми чувствами были чувство несправедливости всего происходящего и чувство стыда за положение страны. Исследование также показало, что россияне достаточно пессимистически оценивали возможность улучшения ситуации в стране: 79,7% предвидели рост криминальной преступности; 83,6% — коррупции и взяточничества; 76,3% высказали мнение, что застой промышленности будет продолжаться; 82,3% — численность безработицы увеличится; 70% — политика центральной власти ослабеет; 59,6% — международный авторитет России упадет¹.

Россия оказалась на 49-ом, последнем месте по конкурентоспособности среди 49 стран, производящих 94% валового продукта мировой экономики. Эти данные были представлены в 1996 году в ежегодном докладе Мирового экономического форума (МЭФ), в котором отмечалось, что «ни статистические данные, ни материалы обследований не могут опровергнуть этот вывод», что Россия по-прежнему остается «изолированной от мировых рынков, ее налоги очень высоки и нестабильны, и это сочетается с неразвитостью инфраструктуры, технологий и менеджмента»².

Многие российские ученые отмечали, что, хотя потенциал России оставался достаточно высоким, ее геополитическое положение было весьма уязвимо, она была более слабым геополитическим центром по сравнению с Китаем, Большой Европой (во главе с Германией), США. Такое положение требовало внести четкие

¹ Независимая газета. — 1997, 16 января.

² Независимая газета. — 1996, 6 июня.

коррективы в параметры России после 1991 года. С.М. Рогов сделал акцент на том, что Россия по-прежнему рассматривается как одна шестая часть Земного шара, однако территория РФ составляет лишь около 60% территории СССР. Хотя по этому показателю Россия превосходит США, по численности населения РФ уступает США на 40%. С.М. Рогов привел данные о том, что в начале холодной войны СССР уступал США по объему ВВП примерно в 5 раз. В середине 1980-х годов это отставание значительно сократилось, но в результате распада СССР и беспрецедентного экономического кризиса к 1996 году ВВП России был в 10 раз меньше американского, очень низким оставался уровень капиталовложений в российскую экономику — объем инвестиций в России был в 10 раз меньше, чем в США.

В 1998 году экономическое положение страны не изменилось к лучшему, были отмечены следующие негативные явления:

— Россия занимала слабые позиции — была на 102-м месте в списке 158 государств по «индексу экономической свободы» из-за чрезмерного бюрократизма, высокой коррупции, обширного черного рынка и других слабых мест в экономике;

— Российское правительство продолжало жить в долг: в 1995-1998 гг. размеры внутреннего государственного долга выросли с 14,7 до 25,4% ВВП (до 31 декабря 1997 г. в старом масштабе цен, с 1 января 1998 г. — в деноминированных рублях);

— Интеграция России в мировое рыночное хозяйство происходила в основном на невыгодных условиях, что еще более усугубил мировой финансовый кризис 1998 года;

— Усиливалась зависимость России от внешних кредиторов. Россия унаследовала от СССР около 70 млрд. долл. внешнего долга. В 1995-1996 гг. внешний долг увеличился на 12 млрд. долл. В 1998 году внешний долг России составил 140 млрд. долл., т.е. увеличился вдвое по сравнению с 1991 годом. Такое положение поставило под сомнение экономическое возрождение России;

— Удельный вес расходов на НИОКР упал до 0,6-0,7% ВВП; в 2 раза сократилась численность занятых в науке.

С.М. Рогов считал, что такое положение России, когда ее ВВП немного выше, чем у Индонезии, ниже, чем у Мексики, такой же, как у Бразилии, позволяет вывести ее из разряда глобальной державы. И в том случае, если ей не удастся закрепить свои экономические позиции в треугольнике НАФТА-ЕС-АТЭС, для

чего у нее, как у евразийской державы, остаются возможности, она может оказаться вытесненной на задворки глобального рынка и мировой политики¹.

Более поздние данные показывали, что, несмотря на некоторую стабилизацию экономического положения, в целом было преждевременным говорить о глубоких позитивных (системных) сдвигах в российской экономике. В статье президента РФ В.В. Путина, опубликованной в декабре 1999 года, отмечалось следующее²:

– За 1990-е годы объем ВВП России сократился почти в 2 раза. По совокупному размеру ВВП Россия уступает США в 10 раз, Китаю в 5 раз;

– После кризиса 1998 года душевой размер ВВП сократился примерно до 3500 долл., что в 5 раз ниже среднего показателя стран «большой семерки»;

– Изменилась структура российской экономики. Ключевые позиции в национальном хозяйстве занимают топливная промышленность, электроэнергетика, черная и цветная металлургия. Их доля в ВВП около 15%, в общем объеме промышленной продукции – 50%, в экспорте – более 70%;

– Остается низким объем иностранных инвестиций в российскую экономику. Общий объем накопленных прямых иностранных инвестиций составил около 11,5 млрд. долл. В Китае этот показатель составляет 43 млрд. долл.;

– Нехватка капиталовложений и недостаточное внимание к инновациям привели к резкому сокращению выпуска продукции, конкурентоспособной на мировых рынках по соотношению показателя цена – качество. Доля российских изделий на рынке наукоемкой продукции гражданского характера составляет менее 1%. На долю США приходится 36 %, Японии – 30 %;

– Сократились в 5 раз инвестиции в реальный сектор российской экономики, в том числе – в 3,5 раза в основной капитал.

В статье В.В. Путина также отмечалось, что опыт 1990-х годов свидетельствовал: действительно успешное обновление России не может быть достигнуто простым переносом на российскую почву

¹ Рогов С.М. Евразийская стратегия для России. – М., 1998. – С. 5-7, 10-11, 17, 31, 55-56.

² Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. – 1999, 30 декабря.

абстрактных моделей и схем, почерпнутых из зарубежных учебников. Каждая страна, в том числе Россия, отметил президент, обязана искать свой путь обновления, соединяя универсальные принципы рыночной экономики и демократии с российскими реальностями.

Важным компонентом статуса великой державы оставался военный потенциал страны. Этот вопрос также оставался в центре дискуссий относительно статуса и возможностей России. По признанию гражданских и военных экспертов, несмотря на все издержки распада СССР и неудачи реформ, в одной области российские и американские показатели оставались сопоставимыми — это унаследованные ими от периода холодной войны арсеналы, удельный вес военных расходов в федеральном бюджете и ВВП. В военной сфере Россия все еще сохраняла примерное равенство с США. По утверждению С.М. Рогова, стремление сохранить количественный паритет в военной области стало одной из главных причин дефицита федерального бюджета и пробуксовывания экономической реформы.

Самую серьезную озабоченность у военных и гражданских специалистов вызывало состояние ядерного компонента ВС России. В 1997 году председатель комитета по экономической политике Государственной думы Ю.Д. Маслюков, подытоживая критику в адрес политики правительства в военной области, отмечал следующее: «Система предупреждения о ракетном нападении как в части космической группировки, так и наземной составляющей функционирует в усеченном составе.... Авиационная составляющая СЯС сведена к минимуму. Уровень ее боеготовности вызывает серьезные опасения.... Процесс деградации коснулся морской составляющей СЯС (МСЯС). Интенсивность боевого патрулирования атомных подводных лодок-ракетоносцев в последние годы многократно снизилась. Уровень их боевой устойчивости в условиях зримой активизации деятельности средств противолодочной обороны США и НАТО явно неудовлетворительный, с 1990 года не был введен ни один противолодочный корабль (ПРК)»¹.

Главнокомандующий ВВС П.С. Дейнекин описал ситуацию в авиации как устойчиво кризисную: произошло сокращение с полумиллионной группировки до 150 тысяч, количество самолетов

¹ Маслюков Ю.Д. Деградация стратегических ядерных сил России // Независимое военное обозрение. — № 2. — 1997, 18-24 января.

уменьшилось с 11 тысяч до 5700, катастрофически не хватало запасных частей, исправность самолетного парка составила 50% ¹.

Сопоставляя военные потенциалы России и стран НАТО, С.М. Рогов отмечал существенное различие между ними не в пользу РФ: НАТО, как экономическая величина, в 20 с лишним раз превосходила Российскую Федерацию; совокупный военный бюджет стран НАТО составлял 450 млрд. долл., а весь российский ВВП по обменному валютному курсу был равен примерно 300 млрд. долл. И хотя Россия осталась ядерной сверхдержавой, сопоставимой с США, превосходя в 20 раз такие ядерные державы, как Великобритания, Франция, Китай, произошло резкое ослабление России в сфере обычных вооружений².

В опубликованном в 1997 году заявлении Совета по внешней и оборонной политике «Нынешнее положение российской армии как надвигающаяся общенациональная катастрофа» делался следующий прогноз относительно развития ситуации в ВС РФ в том случае, если политика государства не будет изменена: исчезновение армии вообще (тихий распад); армейский бунт против власти; распад армии на ряд вооруженных групп и формирований, добывающих средства к существованию продажей оружия или грабежами; военный переворот, перерастающий либо в диктатуру, либо в гражданскую войну³.

Подчеркивая повышение военной уязвимости России, эксперты считали необходимым принять меры, в том числе в сфере бюджетного финансирования ВС и СЯС, с тем чтобы они были способны к нанесению неприемлемого ущерба в ответных действиях на агрессию. В противном случае, по мнению военных специалистов, России грозила утрата возможности ядерного сдерживания потенциального противника, появление возможности быть подвергнутой шантажу, остаться беззащитной перед возможной агрессией.

Фактор уязвимости особенно подчеркивался при рассмотрении вопроса о территориальной целостности Российской Федерации и возможности появления территориальных претензий к ней со стороны других государств. Отмечалось, что после распада СССР не были урегулированы многие пограничные вопросы, требовали решения территориальные проблемы с рядом стран. С началом

¹ Независимая газета. — 1997, 26 февраля.

² Рогов С.М. Нас выталкивают из Европы // Век. — 1996, 25-31 октября.

³ Независимая газета. — 1997, 14 февраля.

процесса расширения НАТО военные эксперты вновь подняли вопрос о территориальной уязвимости. Отмечалось, что нахождение в натовской системе, расчеты на поддержку блока могут породить у некоторых сопредельных с Россией государств соблазн попытаться реализовать свои территориальные претензии к России, нарушить установленный режим границы. Обращалось особое внимание на возможность возрастания опасности и угроз, способных перерасти в пограничные инциденты и вооруженные конфликты¹.

Дискуссии по вопросам военной политики и военных реформ в России, не прекращавшиеся на протяжении 1990-х годов, не только привлекли внимание к кризисному состоянию ВС РФ, но и способствовали разработке и принятию в 2000 году новой военной доктрины с учетом всех происшедших изменений. Ставка на ядерное оружие и ядерное сдерживание стала основой военной стратегии России. Это диктовалось не только характером этого оружия (в том числе, его политическим весом), но и экономическими возможностями государства. Один из ведущих специалистов в области безопасности, А.Г. Арбатов, последовательно отстаивавший идею сохранения и модернизации стратегических ядерных сил (СЯС) России, отмечал, что при оптимальном курсе военной реформы обеспечение ядерного сдерживания на должном уровне вполне по средствам России. Оно более доступно, чем гонка с НАТО по новейшим системам сил общего назначения (СОН) или подготовка одновременно к нескольким локальным войнам типа чеченской и афганской².

Критические дискуссии по вопросу о статусе и уязвимости Российской Федерации достигли наивысшей точки в 1996–1997 гг. Большинство экспертов различной политической ориентации признали факт изменения международного статуса России, масштабов ее внешнеполитической деятельности, необходимости учета свершившегося при планировании ее политики, но отмеча-

¹ Независимая газета. — 1996, 28 мая.

² Арбатов А.Г. Ставка на ядерные силы // Независимое военное обозрение. — № 48. — 2000 (декабрь). В 1994 г. была опубликована статья А.Г. Арбатова «Ядерные силы: стратегия, достаточность, состав», которая имела большой резонанс на Западе и в России, однако в то время изложенная в ней позиция не получила желаемого резонанса у российского руководства // Независимая газета. — 1994, 8 декабря.

ли при этом, что необходимо использовать весь позитивный исторический потенциал для преодоления внутреннего кризиса и для выработки реалистического внешнеполитического курса.

К концу 1990-х годов российское политико-академическое сообщество сосредоточило усилия не на критике кризисного состояния экономики, ВС РФ, внешней политики, а на выработке стратегии по преодолению кризиса и выходу на новый уровень развития и участия в мировых процессах. К 2000 году общий итог дискуссий был далек от пессимизма. Подтверждался великодержавный статус России и наличие потенциала для того, чтобы занять достойное место в мире. Отмечалось, что помимо территории и природных ресурсов удалось сохранить интеллектуальный и кадровый потенциал, целый ряд перспективных научно-технических разработок, передовых технологий.

Одержала верх позиция тех ученых и политиков, которые считали, что России не следует претендовать на статус глобальной державы, но и не стоит занижать международные позиции и возможности страны и отказываться от самостоятельной, достаточно сильной политической линии. Дискуссии показали, что в процессе становления нового российского государства в его политико-академических кругах велась интенсивная аналитическая и исследовательская работа, а многообразие высказанных мнений и оценок нашло отражение в важном процессе формирования внешнеполитической стратегии России.

Раздел 6. Американские оценки международного статуса Российской Федерации и места во внешней политике США

«Российский фактор» в политике администрации Клинтона

В США оценка статуса и роли России в мире формулировалась с учетом нескольких факторов, в том числе: исторически сложившейся внешнеполитической идеологии США, результатов эпохи биполярного сосуществования, политики СССР в 1985–1991 гг., деятельности Российской Федерации.

В последний год правления Дж. Буша-старшего изменение курса в отношении России было не столь заметно, так как важные стратегические документы, в которых излагались основы буду-

щей американской политики, оставались секретными. 1 февраля 1992 года была подписана Кэмп-Дэвидская декларация Президента Буша и Президента Ельцина о новых отношениях, в которой говорилось, что Россия и США не рассматривают друг друга в качестве потенциальных противников, а их отношения «характеризуются дружбой и партнерством»¹.

В одном из секретных документов администрации — «Рекомендации для оборонного планирования», разработанном в 1992 году, — содержались некоторые положения, которые должны были определять политику США после окончания холодной войны. В нем отмечалось, что США должны употребить свое положение признанного гегемона для укрепления нового мирового порядка с тем, чтобы не позволить какому-либо государству в Западной Европе, Восточной Азии, на постсоветском пространстве или в Юго-Восточной Азии подняться до положения регионального лидера, способного контролировать регион, где у Америки и ее союзников есть интересы, либо приблизиться к статусу глобальной державы и стать геополитическим оппонентом США, поставить под сомнение американское лидерство, внести изменения в установившийся международный политический и экономический порядок².

Подчеркивалась важность осуществления контроля над событиями в России, чтобы не позволить ей «вариться в собственном соку», так как она по-прежнему оставалась второй ядерной сверхдержавой. Отмечалось, что новая Россия совсем необязательно будет враждебной Соединенным Штатам, однако при планировании российской политики предлагалось принимать во внимание, что нет твердой гарантии того, что Украина, Беларусь и Казахстан вернут все ядерное оружие в Россию, поэтому угроза возможной нестабильности и хаоса на постсоветском пространстве при сохранении нескольких ядерных арсеналов должна рассматриваться с достаточной долей вероятности; нельзя с полной уверенностью утверждать, что на территории Евразии будут развиваться стабильные государства с рыночной экономикой. Более вероятным представляется возрождение автократического Рос-

¹ Дипломатический вестник. — 1992. — № 4-5. — С. 12.

² Цит. по: Posen V. and Ross A. Competing Visions for U.S. Grand Strategy // International Security. — Vol. 21. — № 3 (Winter 1996-97). — P. 33-34.

сийского государства со значительной военной мощью и недоброжелательного по отношению к соседним странам; следует проявлять сдержанность в оказании экономической помощи и политической поддержки отдельным политическим лидерам, включая президента России; надо устраниваться от выполнения роли арбитра в отношениях между Российской Федерацией, Украиной и странами Центральной Азии. Для создания условий стабилизации Европы и нейтрализации возможного роста агрессивности России, проводить политику вовлечения западных республик бывшего СССР в европейские политические институты и структуры безопасности. Не следует отказываться от возможности создания новой панъевропейской организации.

В 1992 году в заявлениях отдельных политологов прозвучала мысль о том, что партнерство США с Россией возможно только при выполнении ею ряда конкретных условий. З. Бжезинский одним из первых высказался по поводу российско-американского партнерства. Воздав дань историческому наследию президента Трумэна за то, что тот начал осуществлять победоносную стратегию, приведшую к утверждению Соединенных Штатов в качестве мирового лидера, он заявил о необходимости оказать определяющее влияние на развитие международных отношений в переходный период.

В отношении России З. Бжезинский предложил отказаться от оказания ей помощи в осуществлении социального и экономического преобразования. Политолог считал, что главными задачами политики США должны быть, во-первых, обеспечение становления по-настоящему постимперской России, которая сможет занять подобающее место в концерте передовых демократических государств; и во-вторых, консолидация и стабилизация постсоветских государств с тем, чтобы создать благоприятный геополитический контекст для трансформации России в постимперское государство¹.

Советолог, предсказавший распад СССР и его последствия, предлагал Западу предоставить России достойную альтернативу ее историческому имперскому статусу, а именно: партнерство с Западом, роль одного из основных игроков в концерте европей-

¹ Brzezinski Zb. *The Cold War and Its Aftermath // Foreign Affairs.* — Vol. 71. — № 4 (Fall 1992). — P. 31-49.

ских государств; роль одного из основных партнеров Америки в решении мировых проблем, при условии, что Россия откажется от имперских притязаний на постсоветском пространстве, прежде всего в западных республиках бывшего СССР.

В качестве первых шагов для вовлечения России и других новых независимых государств в европейские дела З. Бжезинский рекомендовал образовать Черноморско-Балтийскую зону, в которую вошли бы страны Центральной Европы, Россия, Украина, страны Балтии, Беларусь, и поддержать строительство национальных государств на постсоветском пространстве, прежде всего на Украине. Политолог отмечал, что столь стремительный крах коммунизма застал врасплох Запад, который не был надлежащим образом подготовлен к осуществлению сложной задачи преобразования государств советского типа, поэтому Западу пришлось предпринять поспешные шаги, основанные на импровизации, и они требовали корректировки¹.

По мнению З. Бжезинского особого внимания американского руководства при планировании политики в отношении России заслуживали следующие моменты:

– наивность надежд обеих сторон, основанных на том, что посткоммунистические государства ожидали получить широко-масштабную помощь от Запада в виде нового «плана Маршалла», а США и другие ведущие западные страны неверно оценили перспективы и масштабы реформ, системные сложности трансформации, размах сопротивления со стороны номенклатуры, сроки реформирования;

– многоступенчатость процесса преобразований, когда успех каждой последующей фазы зависит от успеха и результатов предыдущей;

– необходимость учитывать то, что успешное завершение политического преобразования создаст прочную базу для экономических реформ;

– успех преобразований определяется совокупностью объективных и субъективных факторов.

Идея партнерства с Россией в американской трактовке изначально существенно отличалась от российского варианта «рав-

¹ Brzezinski Zb. The Great Transformation // The National Interest. – № 33 (Fall 1993). – P. 3-13.

ноправного партнерства» с Западом. Главное отличие состояло в том, что, во-первых, США не рассматривали Российскую Федерацию в качестве равноправного партнера в преобразования мирового порядка и, во-вторых, считали партнерство возможным только при условии, что Россия успешно завершит демократические реформы и будет выполнять условия Запада. Двустороннее партнерство в американской трактовке также предполагало непротиводействие со стороны России любым действиям США.

Отказ Российской Федерации от имперской политики имел весьма широкое толкование в США, при котором любые активные и независимые действия России в любом регионе, прежде всего, в постсоветских странах, рассматривались как «экспансионистские», направленные на восстановление «советской империи».

Следует признать, что идея равноправного партнерства, зародившаяся в периоды «разрядок» в советско-американских отношениях в годы холодной войны и в значительной степени обусловленная военным паритетом двух сверхдержав, стала носить декларативный характер на завершающем этапе биполярной эпохи. Участие СССР и США в решении международных проблем в 1985–1991 гг. не было равноправным – участие Советского Союза выражалось в добровольных уступках Западу, в отступлении и просьбах о помощи, поэтому Российская Федерация унаследовала вариант неравноправного партнерства, сложившийся в советско-американских отношениях. Однако российские лидеры полагали, что с «уходом» СССР будет отброшена и существовавшая модель партнерства. Они также без всяких оснований посчитали, что США откажутся от реализации глобальной стратегии и от позиции мирового лидера ради равноправного партнерства с Россией, которая была слабее СССР и будущее которой представлялось весьма неопределенным.

В 1992–1993 гг. З. Бжезинский предложил классификацию субъектов мирового сообщества, построенную на оценке потенциала адептов благотворного американского влияния. В первую группу попали развитые страны Запада, традиционные попутчики США в осуществлении их планов; во вторую – наиболее развитые страны Центральной и Восточной Европы, готовые воспринять американские демократические ценности и оказывать поддержку США в осуществлении политики руководства мировым развитием в XXI веке, не претендуя на самостоятельную, не-

зависимую от Соединенных Штатов роль, в которых позитивные изменения или носят необратимый характер (Польша, Венгрия, Чехия, Словения, Эстония), или в них осуществлены позитивные преобразования, но они остаются политически и экономически уязвимыми (Словакия, Хорватия, Болгария, Румыния, Литва, Латвия, Кыргызстан, Туркменистан); в третью – ряд европейских и постсоветских государств, чье будущее представлялось неопределенным в ближайшие десять или более лет, т.е. они могут пойти в любом направлении – навстречу США и против них (Россия, Украина, Беларусь, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан); в четвертую – слабые, «несостоявшиеся» государства (failed states), которые при определенных обстоятельствах могли представлять опасность для международного развития (Сербия, Македония, Албания, Босния, Молдова, Таджикистан).

России, хотя и включенной в третью категорию государств, было отведено особое место в американской политике, так как она не была согласна с предлагавшейся Соединенными Штатами моделью развития мирового сообщества и сохраняла возможности (пусть и ограниченные) для оказания противодействия политике США. Сторонники стратегии «жесткой» гегемонии США предлагали не просто игнорировать Россию, а проводить политику таким образом, чтобы воспрепятствовать возможности маневра для нее в Евразии, которая была объявлена З. Бжезинским основным объектом глобальной политики США.

Уже в 1992 году идейная основа политики США в отношении России и новых независимых государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, была в общих чертах ясна. Также было определено место России в политике США, поэтому последовавшие со стороны российских политиков удивление и даже негодование в связи с американскими действиями (объявление о расширении НАТО, малый объем финансовой помощи, политика в странах СНГ и т.д.) были не совсем обоснованными и, главное, непонятными для руководства США, считавшего, что определенное взаимопонимание на политическом и элитном уровнях было достигнуто.

В 1993–1994 гг. в силу того, что не была до конца сформулирована внешнеполитическая стратегия администрации Клинтона, заметное влияние на отношения с Российской Федерацией оказывал умеренный либеральный подход. Его сторонники считали, что следовало избегать крайних оценок и подходов, не делать ставку на

отдельных политических лидеров, поддерживать преобразования в стране и не ожидать быстрого успеха реформ. Специалисты по России отмечали, что ее трансформация — дело нескольких поколений и США и Запад должны воспользоваться исторической возможностью помочь ей стать демократической, неагрессивной, капиталистической. Любопытно, что за сбалансированный подход к России выступили и отдельные консервативные историки и политологи, до этого резко критиковавшие реформы в СССР. Так, известный советолог Р. Пайпс заявил о том, что не следует вмешиваться в события в России и пытаться диктовать ей модель преобразования, что необходимо признать ее право на свой путь развития.

Во второй половине 1993—1994 гг. в России и ее политике произошли изменения: в октябре 1993 года — конфликт между исполнительной и законодательной властью; в декабре 1993 года — выборы в Государственную думу, на которых победу одержали коммунисты и ЛДПР; была принята Конституция Российской Федерации, давшая широкие полномочия президенту; в декабре 1994 года началась война в Чечне; стала более определенной и твердой политика в ближнем зарубежье (участие в урегулировании грузино-абхазского конфликта, размещение военных баз в Грузии и Армении, усиление военного участия в конфликте в Таджикистане); после заявления президента Клинтона о расширении НАТО в январе 1994 года росла неудовлетворенность реализацией идеи партнерства с США и Западом.

В начале 1995 года в рядах либеральной американской внешнеполитической элиты позиции размежевались. У значительной части специалистов по СССР и России появились критические настроения в отношении России, недовольство ходом и темпами реформ. Ряд известных политологов, среди которых были Б. Рубл, А. Даллин, Г. Лапидус, Д. Холлоуэй, П. Ставракис, выступили с критикой политической ситуации в России, выразили неудовлетворенность ходом и содержанием реформ, которые не совпадали с их представлениями о темпах и результатах преобразований. Они считали, что во внутренней и внешней политике России наметилось поправление, развивалась тенденция к возрождению прежних порядков и прежнего имперского курса¹.

¹ Обсуждению ситуации в России был посвящен специальный семинар в Институте Кеннана (Вашингтон) в феврале 1995 года, на котором выступили указанные политологи.

Однако значительная часть их коллег из академического сообщества продолжала выступать за умеренную политику в отношении России, не поддерживала обвинений в росте неоимперских тенденций в российской политике и принятия быстрых и категоричных мер, препятствующих укреплению геополитического влияния России. Умеренно настроенные внешнеполитические эксперты считали, что США должны признать ведущую роль России как гаранта стабильности на постсоветском пространстве. Хотя многие из них осуждали действия российского руководства во время политического кризиса в октябре 1993 года и войну в Чечне, они не считали, что США должны рассматривать эти действия как основание для давления на Россию в стремлении уменьшить ее влияние и статус.

У. Мид высказал мысль о том, что «глобальная роль России существенно дополняет ту глобальную роль, которую играют США». По его мнению, сторонники З. Бжезинского и Р. Чейни в своем стремлении «создать крепкую стену» для сдерживания России, расширить НАТО и превратить ее в антироссийский союз совершают самую крупную ошибку со времен вьетнамской войны. У. Мид полагал, что политика нового сдерживания и изоляции России, которая оставалась крупнейшей ядерной державой, могла нанести серьезный ущерб долгосрочным интересам и планам США в мире¹. Он признавал справедливость критики России за темпы и направленность реформ, которые могли привести к росту агрессивности и национализма. Однако такое развитие событий, по его мнению, не должно было рассматриваться как основание для «нового сдерживания», так как Российская Федерация — слабое государство, не способное представить серьезную угрозу европейской стабильности. Лучшее, что могли сделать США, считал У. Мид, это не создавать новые проблемы для российского руководства, не препятствовать росту регионального влияния России, не вмешиваться в ее политику в новых независимых государствах, включая Украину и страны Балтии. Он высказал мысль, с которой соглашались многие политологи в США и в России: в интересах укрепления международной стабильности следует отказаться от стереоти-

¹ Mead W. No Cold War Two. The United States and the Russian Federation // World Policy Journal. — Vol. XI. — № 2 (Summer 1994). — P. 1-17.

пов холодной войны, перестать рассматривать Россию как источник конфликта, признать важность ее возрождения как ведущей евразийской державы.

Известный специалист по России С. Сестанович объявил о несогласии с заявлениями З. Бжезинского о том, что «партнерство США и России не может развиваться в условиях, когда Россия начинает проводить политику по воссозданию Советской империи». Он считал, что не следует усматривать в политике России на постсоветском пространстве, в том числе и на Украине, только имперские амбиции и планы. По его мнению, поскольку у России и США имелись параллельные интересы в регионе, российско-американское партнерство могло развиваться без серьезных конфликтов и без нагнетания излишней напряженности в связи с высказываниями российского руководства относительно особой роли России в зонах конфликтов на территории новых независимых государств¹.

Политолог Г. Гурофф, хотя и не был склонен идеализировать все происходившее в России, тем не менее высказывал несогласие с американской политикой в постсоветских государствах, считая, что использование двойного стандарта в отношении России не способствовало демократизации ее внутренней и внешней политики. Он отмечал, что в США сохранялся значительный скептицизм в отношении российских реформ, отчего была готовность «перепрыгивать» с одной оценки на другую, критиковать Россию с гораздо большей энергией, нежели другие страны, где дела с демократией обстояли хуже, чем в России. По мнению Г. Гуроффа, холодная война продолжалась, но только с использованием других методов: например, России так и не был предоставлен режим наибольшего благоприятствования в торговле, который получил Китай, несмотря на то, что китайское правительство серьезно нарушало демократические принципы. С Г. Гуроффом соглашалась С. Эйзенхауэр, которая критически оценивала экономическую помощь России, большая часть которой, по ее мнению, либо осталась в США, либо ушла из России в зарубежные банки.

¹ Sestanovich S. Andrei the Giant // The New Republic. — 1994, April 11. — P. 24-27.

Размежевание среди либеральной академической элиты, изначально выступавшей за поддержку перестройки в СССР и в России и много сделавшей для сближения США и России, дополнялось усилением тенденций к одностороннему мировому лидерству в администрации Клинтона, ростом консервативной критики, в которой тон задавали неоконсервативные эксперты и республиканские деятели. Последние выступали против пророссийской направленности внешней политики США, критиковали Россию за имперские амбиции, выражали опасения за безопасность западных государств постсоветского пространства и восточноевропейских стран, призывали американское руководство активизировать помощь странам, которые могли пострадать от амбиций России, более интенсивно заняться созданием евроатлантической системы безопасности. Республиканцы считали серьезным просчетом американской внешнеполитической деятельности политику администрации Клинтона в отношении России, прежде всего, попустительство ее действиям в Грузии и других странах СНГ, что привело, по их мнению, к усилению России и росту ее агрессивности.

Наиболее консервативные конгрессмены и сенаторы-республиканцы, такие как Н. Гингрич, Дж. Хелмс, М. Макконнел, заявляли, что сверхдержавный статус требовал от США проводить политику, направленную на укрепление независимости постсоветских государств, оказание им помощи в развитии по пути демократии и рыночной экономики, независимо от позиции России. Сенатор Макконнел, например, откровенно говорил, что расширение НАТО должно рассматриваться как альтернатива и противодействие возможному возрождению агрессивной России, и Соединенные Штаты должны обеспечить окружение России демократическими государствами, а отдельные из них должны быть под протекцией НАТО¹.

Дискуссии о политике США в отношении России приобрели особую остроту начиная с 1996 года. Назначение на пост министра иностранных дел Е. М. Примакова вызвало резкую реакцию со стороны республиканцев и консервативных аналитиков. Они заявили об окончательном повороте России к экспансионистской внешней политике в отношении соседних государств, о возврате к имперской стратегии в отношениях с Западом. Отме-

¹ The Washington Post. — 1994, December 26.

чалось, что внешнеполитическая риторика российского руководства все более отражает склонность оценивать международные отношения с позиций соперничества между Востоком и Западом, что вновь во главу угла ставились великодержавные интересы.

Конгрессмен Дж. Соломон на заседании палаты представителей 24 января 1996 года выступил со следующими конкретными предложениями по российской политике:

- прекратить экономическую помощь России, прежде всего ее правительству;

- заверить восточноевропейские страны, что их вступление в НАТО будет решено в самом ближайшем будущем. Задача США – предотвратить «финляндизацию» стран – членов бывшего Варшавского договора, отодвинуть восточную европейскую границу как можно дальше;

- противостоять курсу России в ближнем зарубежье, прежде всего увеличению числа российских военных баз на их территории;

- предотвратить аннексию стран Балтии; покончить с незаконной оккупацией Молдовы;

- оказывать противодействие российской дипломатии в Иране, Ираке, Сирии, Ливии, а также на Кубе;

- отказаться от безоговорочного продолжения политики сокращения и контроля над вооружениями. Выступить с предложением о выходе США из Договора по ПРО 1972 года, пересмотреть положения Договора СНВ-2¹.

Политологи, которые с самого начала не верили в то, что Россия будет удобным партнером для США и Запада и рано или поздно придаст своим геостратегическим интересам традиционную интерпретацию, восходящую к временам царизма, выражали опасения, что активизация российской дипломатической деятельности на различных направлениях будет противоречить глобальным и региональным интересам США. Так, по их мнению, Россия постарается восстановить отношения со странами Ближнего Востока, прежде всего с Ираном, Ираком, Ливией. Особенно беспокоились они в связи с продолжением заключения российско-иранских сделок по атомным реакторам, продаж оружия и технологий ближневосточным странам и государствам Азии. Они от-

¹ Цит. по: Congressional Record, January 24, 1996, 104th Congress, 2nd Session, 142 Cong. Rec. E 80. – Vol. 142. – № 9.

мечали рост активности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, указывали, что Китай становится одним из приоритетных направлений российской внешней политики и Россия постарается обойти США в налаживании отношений с этой растущей державой. Особые опасения высказывались по поводу будущей политики России в отношении стран ближнего зарубежья, где, по мнению неоконсервативных политологов, Россия будет использовать все средства нажима — от шантажа в области энергоснабжения до поощрения сепаратистских происков, наиболее отчетливо проявляя имперские притязания и агрессивность в отношениях с Украиной и Казахстаном.

По мнению Ч. Краутхаммера, которое разделяли многие республиканцы, не оправдались надежды на быстрое превращение России в дружественное государство с рыночной экономикой, основные усилия которого будут направлены на решение внутренних проблем. Происходило обратное: у власти укреплялись сторонники жесткой политики, установления гегемонии России на постсоветском пространстве. Ч. Краутхаммер высказал мнение, что США должны отказаться от предоставления финансовой помощи России, так как эта политика способствует поддержанию ее новых амбиций¹.

Включение восточноевропейских стран в западное сообщество определялось сторонниками жесткой политики в отношении России как самая главная задача Запада. Некоторые политологи прямо заявляли, что если США не удастся ее выполнить, резонно будет задать вопрос: «Кто упустил эту возможность?», а отнюдь не вопрос: «Кто потерял Россию?»

З. Бжезинский был особенно обеспокоен перспективой восстановления контроля России над Украиной, чье стратегическое положение, население и ресурсы автоматически поднимут российский статус до имперского. Потеря независимости Украиной пугала его и не только из-за возможности восстановления глобального статуса Российской Федерации. Он не скрывал, что «отрыв» Украины от Большой Европы сделает более уязвимым положение Польши, помешает ей стать государством-лидером в регионе ЦВЕ, может лишить ее важной сферы влияния. З. Бжезинский понимал, что Россия вряд ли останется безучаст-

¹ Chicago Tribune. — 1996, February 12.

ной к своей судьбе и спокойно отнесется к планам США по преобразованию евразийского пространства. Предвидя возможную реакцию России, он объявил недопустимым отказ от расширения НАТО, так как оно было основным предупреждающим посланием России для пресечения любых попыток с ее стороны расширить свое влияние в Центральной и Восточной Европе, к которой он относил также Украину и страны Балтии. «Представьте, что произошло бы, — говорил З. Бжезинский, — если бы президент Трумэн прислушивался к возражениям Москвы против осуществления «плана Маршалла» точно так же, как президент Клинтон воспринимает возражения Москвы против расширения НАТО?»¹ Как один из авторов трансатлантической стратегии США он заявил, что Россия должна спокойно принять возможность включения Украины и стран Балтии в НАТО, как очень важный и необходимый шаг для создания более благоприятного геополитического климата вокруг нее.

Обосновывая необходимость ориентации политики США именно на восточноевропейские страны и страны Балтии, политолог Ч. Гати подчеркивал, что в этих государствах демократические преобразования имели более устойчивую и близкую к западной форму и направленность. В России же была иная картина: страна не может идти по пути прогресса без осуществления реформ, однако они настолько тяжелы для общества, что их успешное проведение становится возможным только при наличии твердой и далеко не демократической власти. По мнению Ч. Гати, в России демократия отступила: радикалы уступили минималистам, либерализм сменился эгалитаризмом, требование свободы уступило место требованиям навести порядок; складывалось полуавторитарное государство с чертами царской России и демократии по образцу стран третьего мира².

Политика России на постсоветском пространстве беспокоила даже тех политологов, которые считали, что у нее нет возможности восстановить былое величие и масштабы влияния. Однако они опасались того, что действия России могут оказать дестабилизирующее влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в соседних странах (на Украине) или создать нестабильный

¹ Newsday. — 1996, February 7.

² The Washington Post. — 1995, December 22.

геополитический климат (для Польши). Специалист по проблемам безопасности Ш. Гарнетт, назвавший Россию страной с «иллюзорными амбициями»¹, не скрывал, что с продвижением НАТО на восток будет возрастать роль Польши и она займет в Европе положение, аналогичное тому, которое занимала Германия в годы холодной войны, поэтому ситуация в странах к востоку от нее приобретет особую важность для «государства переднего края» Североатлантического альянса. Он рекомендовал администрации Клинтона принять опережающие меры, не допустить сближения Украины и России. Аналогичным образом была определена роль Азербайджана, как главного действующего лица в Каспийском нефтеносном бассейне, чья независимость от России рассматривалась автором как ключевая в будущем развитии стран Центральной Азии².

Важным для США оставался вопрос о создании союзов или коалиций с участием и/или под руководством России. Наибольшие опасения вызывала перспектива формирования «антигегемонистской» коалиции Китая, России и Ирана, а в Европе достижение соглашения между Россией и Германией и/или Россией и Францией. Чтобы не допустить этого, сторонники евразийской стратегии Бжезинского предложили проводить активную политику в отношении потенциальных партнеров России: не обижать своего союзника – Турцию и добиваться ее приема в ЕС, так как именно Турция может оказать поддержку США в интеграции центральноазиатских стран в мировое сообщество; продвигать Китай к роли естественного союзника Соединенных Штатов; отойти от политики давления на Иран, так как это может привести к его сближению с Россией, что было бы не в интересах Америки³.

Из «дружеских устремлений» превратить Россию в демократическое государство З. Бжезинский высказал мнение о необходимости реформировать Российскую Федерацию и интегрировать ее в мировое сообщество в качестве конфедерации трех республик – Европейской России, Сибирской Республики и

¹ Garnett Sh. *Russia's Illusory Ambitions* // *Foreign Affairs*. – Vol. 76. – № 2 (March/April 1997). – P. 61-76.

² Garnett Sh. *Europe's Crossroads: Russia and the West in the New Borderlands* / *The New Russian Foreign Policy*. – P. 91-95.

³ Brzezinski Zb., Scowcroft B., Murphy R. *Differential Containment* // *Foreign Affairs*. – Vol. 76. – № 3 (March/April 1997). – P. 20-30.

Дальневосточной Республики. Политолог признавал, что Российская Федерация располагает самой большой территорией в мире, составляющей национальное богатство и атрибут крупной мировой державы. Нетрудно предположить, что, лишившись территории, Россия могла окончательно утратить какой-либо заметный статус в Евразии и в мире. Отдельные республики конфедерации – Сибирская и Дальневосточная, могли быть достаточно быстро поглощены более могущественными соседями – Японией, Китаем, Турцией, не говоря о том, что разрыв страны на республики мог бы на неопределенное время подорвать и без того слабую российскую экономику, раздробить военный потенциал, создать множество новых проблем, которые еще более затруднили бы преобразование государства. Для американских консерваторов Россия, даже в ослабленном состоянии, виделась основным препятствием осуществлению американской глобальной стратегии.

Но далеко не все в США принимали крайние взгляды, значительная часть американских специалистов по международным отношениям, прежде всего либеральные ученые, хотя и признавала уникальное положение и возможности Соединенных Штатов, критически рассматривала тенденцию к агрессивному взгляду на Евразию и позиции России на этом континенте. Так, один из самых авторитетных специалистов по внешней политике США, М. Мэнделбаум писал, что положение единственной сверхдержавы накладывает на США большую ответственность и требует от них употребить свое могущество на достойные задачи, к которым он относил обеспечение условий для более благоприятного развития событий в России, для развития сотрудничества с ней. Политолог высказался против деления субъектов мирового сообщества на «врагов» и «друзей», «союзников» и «противников», «партнеров» и «аутсайдеров»¹.

Сенатор-демократ Б. Брэдли, анализируя политику США в отношении России, указывал на ошибки в американских оценках ситуации в стране и российской внешней политики, которые привели к взаимной неудовлетворенности сторон в двустороннем диалоге к концу первого срока правления администрации Клинтона и позволили говорить о «кризисе» российско-американского

¹ The New Russian Foreign Policy. – P. 1-22.

партнерства. Он выделил три периода в отношениях между США и Россией: романтический, прагматичный, имперский, и отметил, что «романтический период» достиг кульминации при президенте Дж. Буше, когда в Вашингтоне 17 июня 1992 года была подписана Хартия российско-американского партнерства и дружбы¹. По его мнению, этот период длился до встречи в верхах в Ванкувере в апреле 1993 года².

Б. Брэдли возлагал на администрацию Клинтона и тех экспертов, которые занимались разработкой внешнеполитической концепции, серьезную ответственность за просчет в оценке внутриполитической ситуации в России и потенциала российской политической элиты. По мнению сенатора, невозможно было не понять, что проведение реформ рассматривалось большинством ответственных политиков в России, как средство для восстановления ее международного влияния. Было опрометчиво полагать, что континентальная держава, стоящая одной ногой в Европе, а другой в Азии, откажется от проведения независимой внешней политики только потому, что она лишилась своей империи.

Неудовлетворенность ходом двусторонних отношений и в России, и в США, по мнению Б. Брэдли, привела к появлению имперского подхода в оценках деятельности России в 1993–1994 гг. В Соединенных Штатах критики политики России заявляли о том, что экспансионизм России определялся не только коммунистическим прошлым, что он был всегда присущ стране, поэтому не следует надеяться на демократизацию России. Указывалось, что развитие политических, экономических, социальных и военных структур будет направлено на восстановление Российской империи, и из этого выводилась необходимость сдерживания «новой российской угрозы». Сторонники реалистической или прагматической оценки России и перспектив американо-российских отношений отмечали, что «романтики» чрезмерно идеализировали все, что происходило в СССР и России, «империалисты», напротив, закрывали глаза на все позитивное.

Высказывалась мысль, с которой согласились многие аналитики, принадлежащие к старой советологической школе, и экс-

¹ Дипломатический вестник. — 1992. — № 13-14. — С. 7-11.

² Bradley B. Eurasia Letter: A Misguided Russian Policy // Foreign Policy. — № 101 (Winter 1995-1996). — P. 81-97.

перты молодого поколения: эпоха холодной войны определялась советско-американским соперничеством, эпоха после окончания холодной войны, переходная, и она будет продолжаться до тех пор, пока в России не закончится революция. До тех пор пока Россия не определит окончательно свой международный статус и свое место в мире, нельзя говорить о достижении продолжительного международного равновесия в XXI веке¹.

Бывший посол США в СССР Дж. Ф. Мэтлок поддержал мнение сторонников сохранения партнерских отношений с Россией, высказавшись за признание за ней статуса ведущей мировой державы, невзирая на ее временную слабость. Он отмечал, что страна по-прежнему располагает влиянием в Евразии и может затормозить или даже заблокировать реализацию американских планов в этом регионе. По мнению Дж. Мэтлока, Россию не следовало исключать из европейского клуба, так как предоставленная самой себе она всегда будет проблемой для Запада².

Оценивая международное положение России и состояние российско-американских отношений, американские политологи признали, что назначение Е.М. Примакова ознаменовало собой конец трех великих иллюзий: прежних иллюзий президента Б.Н. Ельцина и министра иностранных дел А.В. Козырева, что России как великой державе будет позволено интегрироваться с миром и мировой экономикой без каких-либо возражений со стороны Запада; конец американской иллюзии, согласно которой Россия позволит без какой-либо компенсации разоружить себя и отказаться от своего статуса в мировой политике; конец европейской иллюзии о том, что разногласия в связи с расширением НАТО можно будет урегулировать как временное разногласие между друзьями.

Ч. Мэйнс писал, что декларации США о готовности интегрировать Россию и Китай в международную систему не подкреплялись весомыми практическими шагами в этом направлении. Обоим государствам предъявлялись многочисленные требования и навязывались правила, разработанные без их участия. Особо подчеркивал политолог двойной стандарт в отношении США к России. В частности, он отметил такие факты: после Второй мировой войны Япония и Западная Германия были приняты в качестве полноправ-

¹ Bradley B. Eurasia Letter: A Misguided Russian Policy. — P. 87-88.

² Matlock J., Jr. Dealing with a Russia in Turmoil // Foreign Affairs. — Vol. 75. — № 3 (May/June 1996). — P. 38-51.

ных членов в западное сообщество, несмотря на то, что были противниками США в войне; в 1970-е годы Вашингтон был готов объявить Китай стратегическим партнером, хотя там бушевала культурная революция. Вместо того чтобы принять новую Россию, осуществлявшую демократические преобразования и стремившуюся установить партнерские отношения с Западом, в западное сообщество, предоставить рынки для российских товаров, допустить ее к решению глобальных проблем, США потребовали от нее прохождения суровых экономических и политических тестов, лишив реальной и действенной поддержки, продолжали строить свою политику, руководствуясь стереотипами холодной войны¹.

Сторонники действительно партнерских отношений с Россией, среди которых были не только Ч. Мэйнс, Б. Брэдли, Дж. Кеннан, Дж. Гэддис, А. Стент, Б. Пэрротт, М. Мэнделбаум, Д. Ергин, С. Тэлботт, С. Сестанович, но и многие другие, считали, что важнейшей характеристикой состояния международных отношений после окончания холодной войны было благоприятное соотношение сил, когда ни одна из стран не угрожала другим странам, все ведущие державы нуждались в передышке для решения внутренних проблем. Единственная сверхдержава не имела прочной экономической базы для осуществления неограниченного лидерства. В этих условиях, по мнению пророссийски настроенных американских ученых, общей целью американской политики должно было стать поддержание этого уникального положения, а не сохранение и защита структур времен холодной войны. Это требовало реального включения России в международные структуры, так как крах российского государства, по их мнению, мог стать серьезным дестабилизирующим фактором в мировом развитии.

После президентских выборов 1996 года, когда Б. Клинтон был переизбран на второй срок и на пост госсекретаря США была назначена М. Олбрайт, а в России министром иностранных дел стал Е. М. Примаков, обе стороны отошли от риторики о стратегическом партнерстве. Соединенные Штаты приступили к широкомасштабной реализации глобальной стратегии без учета интересов России, а Россия приступила к претворению в жизнь концепции «многовекторной политики», не отказываясь, там где возмож-

¹ Maynes Ch. Bottom-Up Foreign Policy. — P. 43-44.

но, от взаимодействия с Америкой. Россия продолжала сохранять свое видение роли и места страны в международных отношениях.

Е.М. Примаков заявил: «России с учетом ее масштабов, мощи, потенциала, истории, традиций объективно принадлежала и принадлежит одна из ведущих ролей в межгосударственных отношениях. В немалой степени этому способствует бесспорное нежелание преобладающего числа государств согласиться с миропорядком, определяемым одной державой»¹. Многие российские внешнеполитические эксперты указывали на одно из основных противоречий западной политики — стремление лишить Россию ее традиционных сфер влияния, связав ее новыми договорами, ограничивающими ее деятельность, при том, что Запад и США практически продолжали политику нового передела мира без участия России.

Несмотря на то, что значительная часть американской политической элиты поддерживала идею развития действительно партнерских отношений с Россией с учетом ее геополитических интересов и внутренних озабоченностей, на официальном уровне все более укреплялась линия на дистанцирование от тесного партнерства с Россией, активизацию политики на постсоветском пространстве, укрепление американского лидерства, закрепление силового подхода в решении международных проблем.

Укрепление тенденции к переводу России из разряда «приоритетного государства», в разряд «одного из государств», с которым США придется иметь дело в ходе реализации глобальной стратегии, было заметно в ряде документов, принятых администрацией Клинтона. В опубликованном в 1997 году документе «Стратегия национальной безопасности в новом столетии» Россия не была выделена в отдельное региональное направление американской политики, рассматривалась как одно из новых независимых государств (ННГ), отношения с которым объявлялись важными для европейской безопасности и бесконфликтного развития Европы. В документе выделялись четыре цели американской политики в отношении новых независимых государств:

— уменьшить угрозу ядерной войны и распространения ядерного оружия и любого оружия массового уничтожения;

¹ Примаков Е.М. Россия в мировой политике //Международная жизнь. — 1998. — № 6. — С. 3-9.

– оказывать помощь этим государствам в развитии демократии и рыночной экономики, способствовать их интеграции в сообщество демократических государств;

– включить Россию, Украину и другие государства в новую систему европейской безопасности;

– оказывать помощь всем новым независимым государствам в разрешении этнических и региональных конфликтов, поддерживать их устремления к укреплению независимости.

Соединенные Штаты заявили о готовности развивать и поощрять любые двусторонние экономические связи с государствами, не входящими в ЕС, в частности, – с постсоветскими государствами и странами Центральной и Восточной Европы. Политика США в странах СНГ и Балтии наделялась особым статусом. Объявлялось, что независимость, суверенитет и территориальная целостность, а также успех политических и экономических реформ в этих государствах представляли особую важность для американских интересов. Фактически страны СНГ объявлялись зоной жизненно важных интересов Соединенных Штатов.

В отношении России подчеркивалась необходимость и значимость продолжения работы Российско-Американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству (Комиссии Гор-Черномырдин), но при этом отмечалось, что наиболее эффективная помощь российским реформам должна осуществляться не по официальным каналам, а в рамках торговой и инвестиционной политики. В качестве приоритета американской политики объявлялось сокращение торговых барьеров и принятие России в Парижский клуб (18 сентября 1997 года Россия стала членом Парижского клуба стран-кредиторов), а также в ВТО. В мае 1998 года в г. Бирмингеме (Великобритания) на встрече глав государств и правительств промышленно развитых стран («семерка») Россия впервые приняла участие в качестве полноправного члена и Группа семи была официально преобразована в Группу восьми (однако фактически ею не стала).

В 1996–1997 гг. усиление скептических настроений – в России относительно перспектив российско-американских отношений, в США относительно направленности и содержания российских реформ и ее политики – дополненное сложными переговорами в связи с расширением НАТО, позволили отдельным политикам и внешнеполитическим экспертам в США и России загово-

речь о «потере России Западом»¹. В США подобные заявления делались в основном представителями либеральной элиты, которые опасались, что произойдет свертывание реформ в России, поворот российской политики в сторону Азии, прежде всего Китая. Этому способствовали заявления Е.М. Примакова о возможности создания стратегического «треугольника» Китай—Россия—Индия, как одного из основных направлений представленной им многовекторной политики. Американские политологи с тревогой заговорили об опасности окончательной «утраты» России, о необходимости вернуть Россию к активному диалогу и взаимодействию, изменить отношение к ней и ее политике.

Сравнительно небольшая группа экспертов заявляла о том, что России не следует уделять серьезного влияния при планировании политики США. В эту группу входили сторонники американской гегемонии, которые считали, что доминирование США во всех сферах (военной, экономической, культурной, информационной) позволяет им рассчитывать на подчинение со стороны одних стран и следование в фарватере американской политики со стороны других. Россия как слабая страна не рассматривалась ими как источник «вызова» США.

Либеральные политологи высказывали обратное. М. Мэнделбаум характеризовал ситуацию, сложившуюся в российско-американских отношениях, как развивавшуюся по спирали, когда обе стороны считали, что их действия законны, имеют оборонительный характер, вполне разумны, однако воспринимались каждой из сторон как неправильные, агрессивные и опасные. Он отмечал, что искаженное восприятие и непонимание, имевшее место в двусторонних отношениях, невозможно было объяснить только ошибками России в ее внешней и внутренней политике, неудачами в проведении реформ. М. Мэнделбаум высказал верное мнение о том, что этому способствовало развитие ситуации вокруг России после распада СССР, не всегда ею полностью контролировавшееся, объективные сложности любого переходного периода, характер американской помощи России в выборе новых путей политического и экономического развития российского общества, которая не была полностью пригодной для нее².

¹ Об этом одним из первых в России сказал В.А. Кременюк. См. статью «Теряет ли Запад Россию?» // Независимая газета. — 1995, 1 декабря.

² The New Russian Foreign Policy. — P. 1- 22.

М. Мэнделбаум выразил мнение сторонников сбалансированной политики в отношении России, считавших, что при оценке ее действий не следует задавать традиционный вопрос: «Станет ли Россия империей?» Более правильным признавалась иная постановка вопроса: «Станет ли Россия частью Запада?» Объявлялся неверным акцент на сценариях возрождения империи на постсоветском пространстве или роста агрессивности России, на перспективе создания нового антизападного фронта при лидерстве и/или с участием России. По мнению внешнеполитических экспертов, выступавших за сохранение партнерства с Россией при решении важных международных проблем, такая политика была ошибочной. Критики политики администрации Клинтона обращали внимание на то, что избранная стратегия не помогла, а напротив, затруднила процессы демократизации и строительства рыночной экономики в России. Высказывалась мысль о том, что политика Соединенных Штатов после окончания холодной войны сделала все возможное не столько для стабилизации международных отношений, сколько для укрепления американского влияния и создания условий для демонстрации незаменимости США для мирового развития. Отмечалось, что ответственность США была тем более велика, что они, как ни одна страна в мире, могли употребить свое могущество на более благоприятное развитие событий, прежде всего в России, не отмахиваясь от сотрудничества с нею.

К концу правления администрации Клинтона многие оценки, высказанные американскими учеными, совпали с мнением российских внешнеполитических экспертов, считавших, что нежелание США и Запада воспользоваться позитивными достижениями советско-американских отношений в годы перестройки может помешать созданию стабильного мирового порядка, что необоснованно занижается важность России и ее политики в Евразии¹.

Исчерпывающую оценку положения, сложившегося в российско-американских отношениях во второй половине 1990-х годов, дал один из ведущих специалистов в области международных

¹ См., например: Арбатов Г.А. Холодная война снова может стать реальностью // Независимая газета. — 1998, 17 июня; Картунов С.В. «Имперское» и национальное в российском сознании // Международная жизнь. — 1998. — № 5. — С. 15-27.

отношений В.А. Кременюк. Он отмечал, что в России существовали серьезные заблуждения, порожденные традиционным российским незнанием современного мира, усиленным десятилетиями изоляции при коммунистическом режиме, завышенной самооценкой, непониманием американского политического процесса, от которого ожидали несвойственного американцам альтруизма в обмен на «хорошее поведение» России на международной арене¹.

Ряд либеральных американских ученых, публицистов, политиков говорили о том, что сложности в российско-американских отношениях в значительной степени объяснялись высокомерием американской внешнеполитической элиты, которая сделала все возможное, чтобы унижать Россию ее поражением в холодной войне. Россия все более воспринималась руководством США как «лишняя проблема». Авторитетные специалисты по СССР и России А. Горелик, Дж. Биллингтон, Д. Саймс и др. обращали внимание на то, что администрация Клинтона проводила политику, которая не могла восприниматься Россией как дружественная: России навязывалось расширение НАТО, которая все ближе продвигалась к ее границам; США активизировали действия по освоению нефтяных запасов в Казахстане и Азербайджане, вместо того, чтобы осваивать запасы энергоресурсов в России, пытались отрезать ее от торговли нефтью и газом Каспия; не была отменена поправка Джексона-Вэника; Россию продолжали вытеснять из традиционных сфер влияния.

Дж. Биллингтон, например, заявлял о том, что администрация Клинтона и те эксперты, которые работали над созданием глобальной стратегии США, на самом деле делали все, чтобы предотвратить установление демократии и свободы на континенте Евразии. Главная ошибка, по его мнению, состояла в том, что Россия — основная страна Евразии была отодвинута на задний план в геополитических расчетах США, в результате чего в России и в целом в Евразии сложилась критическая ситуация, США и Запад перестали быть центральным направлением российской политики, а в самой России росли антиамериканские настроения. Полемизируя с теми политиками и экспертами в США, кто не видел в России великую державу, Дж. Биллингтон и

¹ Кременюк В.А. Как и почему не получилось «стратегического партнерства» /Россия и США после холодной войны /Под ред. В.А. Кременюка. — М., 1999. — С. 12-32.

те, кто разделял его точку зрения, делали акцент на том, что у США есть не только моральные, но и геополитические и материальные соображения, чтобы оказывать России больше помощи в решающий период ее развития как державе, которая обладает крупнейшими в мире природными богатствами, высоким интеллектуальным потенциалом.

Д. Саймс высказал верную мысль о том, что надежды на «уход» Российской Федерации из активной международной политики, которые существовали у многих американских политиков после распада СССР, были абсолютно необоснованными. Россия стала все более заявлять о себе, как о серьезной державе, начала «говорить своим голосом», и звучание этого голоса не нравилось Соединенным Штатам. Происходило осознание того, что в России складывался политический строй, отличный от американской демократии, особый тип системы государственного управления. По мнению Д. Саймса, американскому руководству следовало отказаться от патерналистских привычек в отношениях с Россией, в оценках ее внутривнутриполитической ситуации, больше обращать внимание на то, как она строит свои отношения с США и остальным миром.

Оппоненты глобальной стратегии администрации Клинтона из числа либеральных ученых указывали, во-первых, на необходимость уменьшить число приоритетов американской политики, во-вторых, на важность проведения политики, которая охватывала бы две крупнейшие азиатские державы — Китай и Россию. Внешнеполитические эксперты, выступавшие за более широкое сотрудничество с Россией, отмечали, что, хотя интересы Китая и России прямо не пересекаются с американскими интересами, каждая из них может противостоять устремлениям США выполнять роль единственного защитника и распространителя демократических норм и институтов в мире, а российско-китайский союз, пусть даже временный, способен нанести существенный ущерб интересам США, дестабилизировать ситуацию в Европе и в Азии¹.

Политики и ученые, входившие в так называемое «российское лобби», заявляли, что при планировании внешней политики

¹ Mandelbaum M. Westernizing Russia and China // Foreign Affairs. — Vol. 76. — № 3 (May/June 1997). — P. 80-95.

США необходимо учитывать «российский фактор», так как он представляется важным не только для Соединенных Штатов, но и для мирового развития. Была высказана мысль о том, что, хотя реформирование России в большей степени будет определяться ее внутренней и внешней политикой, роль Запада и США может быть также очень важной для успешного преобразования страны.

Рассматривались несколько возможных вариантов внешней политики России, которые следовало бы иметь в виду при планировании внешней политики Соединенных Штатов:

1. Возможность появления неуправляемой России, когда Россия будет не в состоянии проводить эффективную внешнюю политику, в стране не будет реально действующего правительства, что приведет к хаосу, дезинтеграции Российской Федерации, возникнет опасность использования ядерного оружия отдельными региональными лидерами. В случае развития событий по указанному сценарию, Россия утратит влияние в мире, представит угрозу своим ближним и дальним соседям. Критики глобальной стратегии Клинтона высказали мнение, что действия США способствовали развитию событий как раз по такому сценарию. Однако большинство экспертов исключали такой вариант.

2. У России нет альтернативы интеграции с Западом, она не имеет возможности полностью реализовать заявленные внешнеполитические приоритеты и продолжить реформы без его поддержки, что оставляет полную свободу рук для США. Сторонники такой позиции заявляли, что американская политика в отношении России не всегда была безукоризненной, однако основная доля ответственности за неблагоприятное развитие событий лежит на России, которая не сумела найти внешнеполитическую стратегию, соответствующую ее стратегическим возможностям, проявляла завышенные амбиции. С. Сестанович заключил, что во второй половине 1990-х годов становилось все труднее иметь дело с Россией, и если она хочет сохранить благоприятные для нее отношения с США и рассчитывает на дальнейшую помощь, то не должна противодействовать американской политике в Евразии, в том числе в странах СНГ, что двусторонние отношения должны стать «улицей с двусторонним движением»¹.

¹ В 1996 году С. Сестанович высказывал несколько иную точку зрения. Он, в частности, говорил, что «эгоцентризм» американской политики сопровождался отходом, «потерей» всех позитивных дипломатических достиже-

М. Мэнделбаум придерживался иного мнения относительно неизбежности уступок со стороны России и полной свободы действий США, считал, что хотя интеграция с Западом действительно очень важна для России, ее политика, скорее всего, будет разной на разных направлениях: дружественной, направленной на интеграцию с Западом; конфронтационной — на Востоке, неимперской — на Юге.

3. Противостояние американской гегемонии, когда Россия будет проводить политику создания коалиции стран, не включенных в новую систему безопасности на базе НАТО, недовольных политикой США. В этом направлении могут развиваться отношения России с Китаем и странами, проводящими (или способными проводить) авантюристическую политику (Ирак, Иран, Ливия). Этот сценарий представлялся наиболее опасным для международной безопасности, даже катастрофой для всей планеты.

4. «Срединный» путь между полной ориентацией на интеграцию с Западом и открытым противостоянием ему, когда в одиночку или совместно с другими странами Россия в состоянии будет внести серьезные коррективы в политику США, используя право вето в СБ ООН, внося изменения в режим нераспространения ядерного оружия, развивая экономические отношения с государствами, которые США стремятся изолировать. В этом сценарии, как и в предыдущем, не исключалась возможность партнерства с Китаем — государством, как и Россия, культурологически и географически далеким от Запада.

Последний сценарий считался наиболее вероятным, по мнению тех ученых и политиков в США, которые признавали необоснованность заявлений о том, что интеграции России с Западом по американской модели нет альтернативы. Указывалось на то, что, хотя западная политическая и экономическая модель, воплощенная в Соединенных Штатах, Западной Европе и Японии, привлекательна для многих стран, которые стремятся достичь

ний отношений между СССР и США периода 1985–1990 гг., что предопределило окончание эпохи холодной войны. Демонстрация Соединенными Штатами стремления осуществить глобальную стратегию лидерства привела, по его мнению, к усложнению отношений между Россией и Соединенными Штатами, которое он считал серьезным политическим просчетом. См.: Sestanovich S. *The Collapsing Partnership: Why the United States Has No Russia Policy / Eagle Adrift*. Ed. by Robert J. Lieber. — N.Y., 1997. — P. 163-177.

процветания, используя западные/американские институты, нормы и организации, тем не менее не совсем корректно утверждать об одинаковом восприятии «магнетического влияния» западных ценностей, об отсутствии полного или частичного его неприятия, а также противостояния ему со стороны государств, для которых западная модель окажется менее желательной и приемлемой в полном объеме.

Была высказана мысль, что Россия — евразийская держава и ее политика не может быть целиком ориентирована на Запад, она будет разнонаправленной. Не только Россия будет проводить активную политику в СНГ, в Азии и на Ближнем Востоке, но и ведущие страны этих регионов будут оказывать сильное влияние на ее международную деятельность. Не только от России потребуются понимание интересов Запада, но и от Запада потребуются понимание того, что у нее есть интересы в разных регионах мира, которые могут не совпадать с интересами США и других стран.

М. Мэнделбаум и те из американских специалистов по внешней политике, кто последовательно выступал за активное вовлечение России в международные дела, за отказ от позиции превосходства по отношению к другим странам, предлагали избрать более «мягкий» вариант лидерства США, по-деловому и непредвзято относиться ко всем странам. Сторонники сохранения баланса между ведущими мировыми державами, в число которых включалась и Россия, считали, что, несмотря на существовавший дисбаланс в положении США и России после окончания холодной войны, политике в отношении Российской Федерации должно быть отведено важное место во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов по ряду причин, таких как необходимость осуществлять контроль за ядерным потенциалом России; за действиями России в странах СНГ, прежде всего на Украине, в Беларуси и странах Балтии (считалось, что усиление позиций России в этих странах особенно нежелательно, так как они рассматриваются как важный объект политики отдельных старых и новых членов НАТО, в первую очередь, Германии и Польши); за действиями России в Азии, прежде всего в отношении Ирана, Китая, Индии, так как потенциально Россия остается государством, которое может претендовать на роль гегемона в Евразии и помешать осуществлению планов США на континенте; указывалось на

важность для США района Каспийского бассейна, где они хотели бы укрепить свои позиции.

Контроль за действиями России, по мнению сторонников нормальных партнерских двусторонних отношений, должен был дополняться реальным признанием статуса великой державы за Россией, сохранявшей огромный потенциал для восстановления международного влияния, несмотря на временную слабость. Отмечалось, что к России не должны применяться двойные стандарты при оценке ее политики, должна признаваться ее особая роль на постсоветском пространстве и влияние в других регионах, где у нее могут быть интересы, отличные от американских. Утверждалось, что для Запада гораздо лучше иметь Россию в качестве союзника и участника западной коалиции.

К концу президентства Б. Клинтона консервативные политологи и политики сделали российскую политику демократической администрации главным объектом критики. Республиканцы выделяли в основном негативные факторы внутренней и внешней политики России, обвиняя в неблагоприятном развитии событий в Российской Федерации администрацию Клинтона и внешнеполитических экспертов, занимавшихся идейной разработкой ее политики.

Либералы оставались расколотыми на тех, кто был одержим планами глобального регулирования по распространению демократии и рыночной экономики и требовал увязывать американскую политику с внутривнутриполитической ситуацией в России, и на тех, кто выступал за усиление геополитического компонента двусторонних отношений. Последние не отрицали ошибок в действиях России, но указывали и на наличие позитивных факторов. Считали, что для США гораздо выгоднее добиваться сотрудничества с Россией в решении глобальных проблем и предоставить ей возможность разобраться во внутренних трудностях своими силами, без нажима извне. Мнение сторонников реального партнерства с Россией не оказало решающего влияния на политику администрации Клинтона, которая делала многое вопреки мнению и интересам России. «Пророссийски» мыслившие политологи и политики оказались в меньшинстве.

Президентские выборы 2000 года в США и «фактор России»

В 2000 году в ходе внешнеполитических дискуссий, проходивших во время и в связи с выборами президента США, обращало на себя внимание определенное сходство республиканцев и демократов, консерваторов и либералов по вопросу отношений с Россией. Хотя в заявлениях республиканских и демократических лидеров, консервативных и либеральных экспертов она называлась великой державой, реальный статус России в американской политике у демократов постепенно понижался, а у республиканцев оставался стабильно невысоким. В группе великих держав Китай объявлялся державой, находящейся на подъеме своей мощи, Индия — державой в стадии восхождения к новому более высокому статусу, а Россия — державой в процессе упадка.

Не отрицалась возможность интеграции трех держав в экономические, политические и военные структуры, которые США и их союзники традиционно поддерживали, для чего от них требовалось стать более открытыми обществами. Однако упоминалось, что при неблагоприятном развитии отношений с Россией, Китаем и Индией, Соединенные Штаты будут готовы противостоять их политике и сдерживать их любыми доступными средствами. России давали понять, что США будут считаться с ней постольку, поскольку это не противоречит американским интересам и планам в соответствии с глобальной стратегией, и в зависимости от того, насколько Россия сможет «вписаться» в американскую политику и соответствовать установленным стандартам и требованиям.

Кандидат в президенты от Республиканской партии Дж. У. Буш заявлял, что экономическое развитие России находится в руках россиян, что для США становление рыночной экономики в России не имеет жизненно важного интереса, однако остается весьма желательным. Высказывалось мнение, что США не следует поддерживать просьбу России о реструктуризации долгов, так как, во-первых, она накопила достаточный золото-валютный запас, имеет высокий положительный торговый баланс, продолжает вести войну в Чечне, которая требует больших финансовых затрат; а во-вторых, доля США в общем российском долге невелика — 3 млрд. долл. По вопросу о приеме России в ВТО было заявлено,

что это будет решаться на основе общих принципов всеми членами и при наличии экономических предпосылок в самой России.

В высказываниях республиканских политиков (впрочем, как и во время президентских выборов 1996 года) прослеживалась идейная преемственность с внешнеполитической стратегией Р. Рейгана. Яркой демонстрацией этого стали выступления сенатора Дж. Маккейна, проигравшего Дж. У. Бушу на первичных выборах в борьбе за номинацию кандидатом от Республиканской партии. Он заявлял, что США должны добиваться своих внешнеполитических целей любыми средствами, как это делал Р. Рейган, действовать жестко и непримиримо.

Из предвыборных выступлений республиканцев, включая Дж. У. Буша и его главного внешнеполитического советника К. Райс, было ясно, что они морально готовы к противостоянию России, так как были убеждены, что политика жесткого прессинга, которая имела успех в отношениях с Советским Союзом в 1980-е годы, могла быть успешной и в отношении России, не обладающей аналогичной мощностью и международным влиянием¹. Складывалось впечатление, что они хотели добиться от России почти того же, чего США добились от СССР при Р. Рейгане, а может быть и большего.

В рекомендациях консервативных экспертов сохранялись оценки России как страны, способной помешать США в выполнении глобальной миссии. Россия характеризовалась как опасная страна по ряду причин: 1) рост авторитаризма, возможность осуществления более жестких мер со стороны федеральной власти для закрепления позиций новой российской властной элиты; 2) наступление на свободу прессы, права человека (Чечня); 3) нестабильная экономическая ситуация при продолжающемся переделе собственности и власти; 4) рост коррупции, имевший негативный эффект на международном уровне; 5) нестабильность федерации и наступление Центра на права регионов; 6) ядерное оружие России и ее устремления к укреплению своей военной мощи; 7) рост экологических проблем, преступности, медицинской опасности (вспышки эпидемий, которые вместе с миграцией распространяются в другие страны) и т.п.

¹ Republican Platform 2000. *Renewing America's Purpose. Together*; Rice C. *Promoting National Interest*. — P. 45-62.

Особую активность в год выборов проявлял консервативный Фонд «Наследие», аналитики которого готовили обстоятельные доклады с анализом и рекомендациями для республиканского кандидата, затем президента¹. Политика администрации Клинтона была подвергнута серьезной критике. Специалист по России А. Коэн предложил предпринять следующие «жесткие» меры в отношении России²:

- выступить против предоставления России кредитов МВФ;
- проводить политику, направленную на поддержку не отдельных политических лидеров, а политических групп и лидеров, чьи действия совместимы с идеями демократии и рыночной экономики и направлены на реализацию идей демократии;
- потребовать от России предоставить всю информацию о системах вооружений, продукции и технологиях двойного назначения, проданных государствам-«изгоям»; настоять на создании организации по контролю над экспортом ОМУ по аналогии с Координационным комитетом многостороннего экспортного контроля (КОКОМ), существовавшего в годы холодной войны;
- добиваться полного расследования расходования кредитов, предоставленных США и МВФ, введения строгих правил контроля – по аналогии с теми, что действуют в частном финансовом бизнесе; отказать России в списывании советских долгов;
- настаивать на продолжении в России рыночных реформ и открытии российских рынков для западных банковских, финансовых и страховых компаний; поддержать политическое вступление России в ВТО, когда она будет экономически готова к этому; поддержать инициативу воссоздания «шелкового пути», который соединит Европу с Азией через страны Центральной Азии, так как это создаст дополнительные рабочие места для американцев и откроет новые возможности экспорта для американского бизнеса;

¹ *Priorities for the President*. Ed. by Stuart M. Butler and Kim R. Holmes. – Wash., D.C.: The Heritage Foundation, 2001. – P. 275-301. В группу, готовившую раздел по России в докладе «Приоритеты для Президента», помимо А. Коэна, входили П. Добрянски из Совета по международным делам, С. Блэнк из Военного колледжа, Т. Грэхем из Фонда Карнеги, Ф. Старр из Университета Джонса Гопкинса, Ф. Эрмат из Национального совета по разведке. Все они придерживаются весьма критических позиций в отношении России.

² *Issues 2000. Issue Report*. – Wash., D.C.: The Heritage Foundation, 2000. – P. 69-88.

– добиваться урегулирования конфликта в Чечне; проводить политику по поддержанию суверенитета, независимости и структур гражданского общества в странах СНГ;

– продолжить диалог по проблемам европейской безопасности, несмотря на существующие трудности и разногласия;

– не вести каких-либо переговоров по вопросу о национальной противоракетной обороне, так как США имеют абсолютное право на ее развертывание; этот вопрос не может быть увязан с Договором по ПРО 1972 года, поскольку он был подписан с СССР, а если Россия хочет стать участницей этого договора, она может добиваться этого вместе с тремя другими бывшими ядерными советскими республиками после одобрения американским сенатом (согласно Протоколу 1997 года к Договору по ПРО 1972 года).

Более умеренные консервативные авторы указывали на необходимость сохранить минимальное экономическое взаимодействие с Россией, несмотря на то, что российская экономика слишком слаба, чтобы оказывать заметное влияние на мировые экономические процессы. Эту идею поддерживали и либеральные экономисты, считавшие важным поддерживать отношения с Россией, прежде всего, через МВФ и другие международные организации, в области торговли, оказания технической помощи, осуществления образовательных обменов, создания институтов гражданского общества, для борьбы с коррупцией, поддержания свободы СМИ¹.

В докладе Центра Никсона говорилось о том, что переходный период в развитии постсоветской России подходит к концу и его итоги, если они и не оправдали в полном объеме надежд США, не могут оцениваться только как негативные: хотя Россия не стала прозападной, демократической страной, не приняла новый расклад сил в мире, ее развитие все же не пошло по апокалипсическому сценарию (возврат коммунизма, распад, бесконтрольное распространение ОМУ и т.д.)². Отмечалось, что отношения с Россией, оставаясь непростыми, по-прежнему имеют большое значение для США при решении таких важных задач, как предотвращение об-

¹ См., например: Cutter B., Spero J., and Tyson L. *New World, New Deal. A Democratic Approach to Globalization // Foreign Affairs.* – Vol. 79. – № 2 (March/April 2000). – P. 80-98; Remarks as Prepared for Delivery by Vice-President Al Gore.

² What Is to Be Undone? A Russia Policy Agenda for the New Administration. – Wash., D.C.: The Nixon Center, 2001.

разования антиамериканских коалиций, контроль над распространением ОМУ, обеспечение стабильности в Европе и Азии, использование ООН и других международных организаций в интересах США, доступ к энергоресурсам в Персидском заливе и Каспийском бассейне, борьба с международным терроризмом, продолжение процесса преобразования России.

Эксперты Центра Никсона обратили внимание на отдельные неверные, по их мнению, шаги руководства США в отношении России, которые затруднили контроль над ее политикой. В частности, они назвали ошибочным решение о принятии России в Группу семи без учета реальных возможностей ее участия в этой структуре и реального желания членов этого клуба предоставить ей возможность действительно воспользоваться членством в своих интересах и участвовать в решении важных экономических и политических проблем западного сообщества. Политологи заявили, что вопрос об исключении России не может быть поставлен, однако ее дальнейшее пребывание в «семерке» и перспективы изменения ее роли и статуса они предлагали прямо увязать с развитием демократии в стране и соответствием ее внешнеполитических действий интересам и принципам Запада.

Мнение умеренных консерваторов совпадало с позицией либеральных внешнеполитических экспертов в том, что нельзя допустить дальнейшего роста антиамериканских настроений в России, начавшегося в годы администрации Клинтона. Причина этого виделась в том, что, хотя делались заявления о важности России для международного развития, на практике все действия США свидетельствовали о желании Вашингтона ослабить ее и умалить ее роль. В ходе специального опроса, проведенного в 2000 году в России по заказу госдепартамента США, выяснилось, что 81% опрошенных россиян согласились с мнением, что Соединенные Штаты пользовались слабостью России и стремились «столкнуть» ее на уровень «второразрядной» периферийной державы.

В докладе также отмечалось, что действия США по оказанию поддержки российским неправительственным организациям как противовеса правительству не оправдали себя. Они нанесли ущерб этим организациям, группам и отдельным общественным лидерам. Говорилось, что только 10% из предоставленных России финансовых средств было потрачено на развитие

демократии, причем значительная часть этих средств американской стороной была израсходована не по назначению. Вывод был весьма пессимистическим: США не могут мобилизовать российское общество против политики российского правительства. Российское общество деморализовано, расколото, враждебно настроено по отношению к США, поэтому это направление американской политики в отношении России не может быть приоритетным.

Несмотря на то, что оценки и рекомендации консервативных экспертов оставались критическими, они склонялись к мнению, что политика в отношении России должна разумно сочетать сдерживание и диалог, ориентироваться не столько на риторику российских лидеров, сколько на ее поведение в мире, что хотя потенциал для проведения Россией наступательной политики не исчерпан, перспектива превращения ее в новую империю с насильственным поглощением стран СНГ маловероятна.

Консервативные центры (прежде всего, Фонд «Наследие» и Центр Никсона) представили будущей администрации следующие рекомендации:

- признать наличие у России законных интересов в тех или иных регионах и уважать их;
- более четко определить границы интересов и влияния США, выделив жизненно важные и второстепенные интересы, к которым можно отнести урегулирование конфликта в Косово и участие в событиях в зоне Каспийского бассейна;
- сделать основным тезис об определяющем значении действий самой России для укрепления ее статуса в мировом сообществе;
- подходить к России более сбалансированно, без лишних эмоций, ориентируясь на интересы США, что позволит добиться от нее больших уступок и большего понимания;
- не забывать, что даже в ослабленном состоянии Россия может существенно помешать США в реализации их планов, сделать это более дорогостоящим.

Что касается демократов, то в платформе Демократической партии было отмечено, что администрация Клинтона проделала большую работу по оказанию помощи России для перехода к рыночной экономике, по осуществлению программы приватизации и строительства гражданского общества со свободными выборами и прессой. Одним из главных достижений американской

политики было объявлено установление рабочих отношений между НАТО и Россией после подписания основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, в рамках программы «Партнерство во имя мира» (ПВМ) и в ходе урегулирования косовского конфликта. Отмечалось, что США преуспели в осуществлении программы по обеспечению безопасности российских ядерных арсеналов, по сокращению ядерных боеголовок на пять тысяч единиц, по оказанию помощи российским специалистам-ядерщикам в переквалификации для работы в мирных областях. К числу достижений американской политики были отнесены проведение свободных выборов в России на государственном и региональном уровнях, медленное, но неуклонное экономическое преобразование с введением рыночных механизмов и развитие финансовой системы, прогресс в налоговой области, постепенное развитие структур гражданского общества (деятельность общественных организаций, относительная свобода СМИ) и др.¹

Среди серьезных противоречий в российско-американских отношениях, как и республиканцы, либеральные аналитики выделили следующие: США не одобряют действий в Чечне; у США вызывает опасение рост коррупции в стране, их не устраивает медленное проведение реформ; США категорически возражают против планов по передаче двойных технологий отдельным государствам, что может привести к появлению у них ядерного оружия; продолжения взаимодействия с такими странами, как Ирак, Иран, Ливия, стремящимися к обладанию передовыми вооружениями и ядерным оружием.

Демократы, как и республиканцы, заявили, что они готовы к осложнению отношений с Россией, если она будет уклоняться от изменения позиции по указанным вопросам. В частности, в вопросе о войне в Чечне предлагалось сохранить общую направленность по осуждению действий российской армии в Чечне, но проявлять гибкость при освещении и оценках действий России на Кавказе. Экспертами Фонда Карнеги и других центров, близких к Демократической партии, были высказаны следующие рекомендации будущей администрации: 1) в настоящее время нет види-

¹ The 2000 Democratic National Platform: Prosperity, Progress and Peace.

мого решения конфликту в Чечне; 2) соглашение с Масхадовым невозможно, так как он не контролирует ситуацию в республике и соглашение не положит конец войне; 3) скорее всего развитие событий в Чечне пойдет по ирландскому сценарию – к урегулированию могут привести «усталость» от конфликта и смена поколений; 4) США не в состоянии существенно изменить ситуацию в Чечне; 5) победа чеченских боевиков не отвечает интересам США, так как это приведет к усилению нестабильности на Кавказе и не улучшит ситуацию с исламским экстремизмом и терроризмом в целом; 6) США используют двойной стандарт при оценке событий в Чечне – даются разные оценки событиям в Турции (курды), в Косово (сербы – албанцы) и в Чечне; 7) администрации следует отмежеваться от позиции американских СМИ, часто дающих искаженную картину событий на Кавказе и выступающих с резко выраженных антироссийских позиций¹.

В целом администрации и конгрессу было предложено изменить тональность диалога с Россией по Чечне, отойти от ультимативной формы, но по существу оставить требование прекращения войны, заявить об ускорении процесса расширения НАТО в случае ее продолжения. Обращалось внимание на то, что излишне критический подход к событиям в Чечне может негативно сказаться на действиях США и НАТО в урегулировании будущих конфликтов. Так, объявление бомбардировок Грозного «военным преступлением» может – по аналогии – привести к характеристике бомбардировок авиацией НАТО Белграда или других гражданских объектов, как «военных преступлений». Западные военные также могут попасть в разряд военных преступников, которые должны будут предстать перед Международным трибуналом, не признаваемым США.

Либералы были недовольны ситуацией в России, неуступчивостью в решении ряда важных для США вопросов, поэтому они предлагали сохранить практику «увязок» и жесткости во имя того, чтобы окончательно «не потерять» Россию для мира и демократии. М. Макфол, например, особенно выделил такие ошибки, допущенные, по его мнению, Соединенными Штатами и другими

¹ См.: An Agenda for Renewal. A Report by the Russian and Eurasian Program of the Carnegie Endowment for International Peace. – Wash., D.C. , 2000. – P. 31-36.

ведущими мировыми державами в отношении России как: преувеличение влияния либеральных политиков периода 1991 – 1992 гг. и политического потенциала в стране для проведения радикальных реформ; недостаточная помощь Запада; использование ошибочной экономической программы, которая была сосредоточена на макроэкономических реформах и приватизации и оставила без поддержки инициативы по перестройке промышленных предприятий, развитию нового бизнеса и внедрению социальных программ¹. По мнению политолога, США должны перестать рассматривать апокалипсические сценарии развития событий в России (возрождение коммунизма или победа фашизма) и проводить политику на новой идейной и стратегической основе, сосредоточившись на главном, а именно:

– финансировать только программы по уничтожению ядерного оружия и поддержанию безопасности ядерных объектов в России; медицинские и образовательные проекты; совместные антитеррористические программы;

– в сфере безопасности центральными сделать не вопросы контроля над вооружениями, а проблемы совместного военного строительства в новых условиях;

– активнее действовать в странах СНГ, прежде всего, на Украине, в Азербайджане и Грузии, где интересы США противостоят региональным интересам России.

Во время слушаний в сенатском комитете по иностранным делам в апреле 2000 года, М. Макфол еще раз заявил, что правительство США должно отказаться от традиционной установки в развитии отношений с Россией, которая сформировалась в годы холодной войны (не критиковать внутреннюю политику во имя стабильности двусторонних отношений и сохранения возможностей для решения проблем безопасности)². Политолог предложил

¹ McFaul M. Getting Russia Right // Foreign Policy. – № 117 (Winter 1999-2000). – P. 58-71.

² McFaul M. Russia's 2000 Presidential Elections: Implications for Russian Democracy and U.S.-Russian Relations. Hearings. – Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. – 2000, April 12.

Характеризуя политику США в отношении России, М. Макфол обращал внимание на ее негативные итоги: средства МВФ использовались Россией не по назначению и фактически поддерживали олигархов в России; хотя России оказывалась большая финансовая помощь для демонтажа ядерного оружия, утилизации ядерных отходов, на различные экологические про-

возвести в ранг национальных интересов развитие демократии и рыночной экономики в России, которая по своей территории, населению, природным ресурсам, геостратегическому положению в Евразии, интеллектуальному потенциалу является крупнейшей и в перспективе влиятельнейшей мировой державой; в противном случае, считал М. Макфол, в России может произойти возрождение диктатуры и Соединенным Штатам придется тратить миллиарды долларов на вооружения и оборону.

Примечательно, что М. Макфол был не одинок в мнении, что от Соединенных Штатов зависит, станет ли Россия одним из членов западного сообщества или увеличит число стран-«изгоев». Его выступление выражало точку зрения многих либеральных аналитиков. В докладе Фонда Карнеги отмечалось, что после ухода с президентского поста Б.Н. Ельцина, при котором существовала хотя бы «шаткая» демократия, Россия «находится в серой зоне между демократией и авторитаризмом». Негативный эффект развития внутривнутриполитической ситуации, по мнению экспертов фонда, усиливался геополитическими возможностями России. Она определялась как «единственная недружественная по отношению к США страна в мире, потенциально способная осуществить массированное ядерное нападение на Соединенные Штаты, как региональный гегемон, который будет доминировать в Евразии в краткосрочной и долгосрочной перспективах в военной и экономической областях».

Эксперты фонда указывали на некорректность «занижения» статуса Российской Федерации, что происходило из-за ее сравнения с ведущими западными странами, которым она существенно уступает по экономическим показателям. По их мнению, следует признать, что в сравнении с рядом стран Евразии, особенно с постсоветскими государствами (такими, как Узбекистан, Украина и др.), она сохраняет статус регионального лидера, что не следует игнорировать Соединенным Штатам. Из этого делался следующий вывод: оставаясь крупной мировой державой, не будучи ни врагом, ни союзником США, Россия может представить угрозу

граммы, связанные с этим, она продолжала наращивать вооружения, разрабатывать новые виды вооружений, вместо того, чтобы приостановить эти программы и употребить средства для ускорения утилизации и демонтажа устаревших видов оружия.

Соединенным Штатам в том случае, если в результате дальнейшей дестабилизации и ослабления она предпримет нежелательные для США действия¹.

В целом, по мнению авторов доклада, среди которых были известные специалисты по России Т. Грэхем, М. Макфол, М. Олкотт, Э. Качинс, А. Ливен, А. Аслунд, политика Соединенных Штатов в отношении России не должна стать «мягче». А отдельные наиболее радикально мыслящие либеральные политологи выступили за повышение требовательности к России без скидок на ослабленное состояние. Такую позицию занял, например, С. Сестанович, занимавшийся разработкой российской политики для администрации Клинтона. Он заявил, что следует прекратить задавать вопрос: «Потерял ли Запад Россию?». Более правомерно поставить вопрос: «Сколько еще цивилизованный мир будет терпеть Россию?»²

Позиция разочарования и «скепсиса» в отношении российских реформ и политики России в концентрированной форме нашла отражение в двух книгах либеральных специалистов по СССР и России — С. Коэна «Провал крестового похода» (2000) и П. Рэддоуэя и Д. Глинского-Васильева «Трагедия российских реформ» (2001)³.

Но далеко не все среди представителей американского академического сообщества шли так далеко в критике России. Оценивая позиции либеральных политологов нельзя не упомянуть о точке зрения тех внешнеполитических экспертов, которые последовательно отстаивали сбалансированный взгляд на Россию и выступали за ее полноправное участие в решении международных проблем. В частности, представляется очень убедительным мнение Ч. Мэйнса. Он обратил внимание на то, что в нагнетании страстей вокруг России и российской политики прослеживалось стремление проигнорировать ту роль, которую сыграли США и другие страны Запада в российских реформах. Ч. Мэйнс усмотрел в этом нежелание самых рьяных критиков непредвзято проанализировать действия США и признать, что не все советы и программы, предложенные для реализации в России, были правильными и пригодными для страны; налицо излишняя драматизация нега-

¹ An Agenda for Renewal. — P. 3-7.

² The New York Times. — 2001, June 15.

³ Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. Пер. с англ. — М., 2001; Reddaway P. & Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism Against Democracy. — Wash., D.C., 2001.

тивных явлений в России, например в отношении коррупции, которая ничуть не больше (если не меньше), чем в ряде других стран (Мексика, Китай)¹.

Важным представляется замечание политолога о том, что в США после падения Берлинской стены не было трезвой и справедливой оценки того, что произошло в мире, с Советским Союзом и Россией, с политикой США. Никто не говорит о том, что после администрации Рейгана, затратившей огромные средства на программу «звездных войн» и военное противостояние с СССР, остался большой дефицит федерального бюджета, поэтому широкомасштабная экономическая помощь России в начале 1990-х годов была невозможной т.е. именно тогда, когда на это более всего рассчитывали российские либералы. Размер и характер помощи, оказанной России Соединенными Штатами, были неадекватны масштабу российских реформ. Ч. Мэйнс отметил, что экономическая помощь странам Западной Европы после Второй мировой войны («план Маршалла») составила 500 млрд. долл. в современном исчислении, в то время как американская помощь России была всего 3,5 млрд. долл. Вся помощь России осуществлялась в форме кредитов, а не грантов, как это предусматривалось «планом Маршалла».

США и Запад поощряли «индивидуализм» среди стран, образовавшихся на территории бывшего СССР, в то время как в 1940–1950-е годы в Европе поощрялась кооперация между западноевропейскими странами, получившими помощь США. Вследствие такой политики были разрушены существовавшие до распада СССР экономические структуры и связи и не созданы новые структуры взаимодействия между новыми постсоветскими государствами, а западная помощь оказалась раздробленной, мизерной и мало эффективной.

Ч. Мэйнс обратил внимание на то, что в процессе реализации «плана Маршалла» западноевропейские страны получили возможность ввести ограничения на ввоз американских товаров для создания более благоприятных условий для развития национальной промышленности. Россия же была лишена такой возможности, от нее потребовали полностью открыть свою экономику

¹ Maynes Ch. A New Strategy for Old Foes and New Friends. Houston World Affairs Council. – 2000, March 28.

ку для Запада, что могло нанести ущерб национальной экономике и реформам. Ученый сделал весьма критический вывод: «В России и странах СНГ Соединенные Штаты действовали методами XIX века, демонстрируя полное неверие в устремления и способности граждан этих стран»¹.

Как отмечал авторитетный специалист по России Э. Качинс, США переусердствовали в создании негативного образа России, как страны, способствующей распространению ядерного оружия, государства шпионов, преступников и коррупционеров. Политолог обратил внимание на то, что дискуссии, проходившие в 2000 — начале 2001 гг., позволяли сказать о том, что образ «России-врага» мог стать частью политики администрации Буша, что было, по его мнению, лишено конструктивизма. По убеждению Э. Качинса, новая, «маленькая», холодная война с Россией стала бы колоссальной ошибкой, могла привести к пустой трате американских ресурсов, и не обязательно имела бы благоприятный исход для США и всего мира, как это произошло с большой холодной войной².

В первые месяцы правления новой республиканской администрации складывалось впечатление, что произойдет усиление тенденции к более жесткой политике. Однако этого не произошло. Администрация учла рекомендации как либеральных, так и консервативных центров. Главная установка при формулировании политики в отношении России сводилась к следующему: не отказываясь от усилий по включению России в международное сообщество демократических государств в долгосрочной перспективе, не позволить России своей политикой затормозить или усложнить претворение в жизнь американской глобальной стратегии по утверждению американских (западных) институтов и ценностей, продвижению американских национальных интересов; использовать для этого элементы силового и дипломатического воздействия.

Новая администрация демонстрировала традиционную республиканскую жесткость, граничащую с ультимативностью, и гибкость, лавирование, декларативность, присущие демократам (либералам), при том, что обе тактики предполагали твердость в достижении основных, жизненно важных целей американской политики.

¹ Maynes Ch. A New Strategy for Old Foes and New Friends.

² Kuchins A. U.S. — Russian Relations: An Agenda for Renewal. Speech at the Commonwealth Club. — San Francisco CA, 2001, March 26.

Демонстрация терпимости и терпения в отношении России несла определенную идеологическую нагрузку. Традиционно, когда США выступали с какой-либо программой, выходящей за национальные рамки (как это было с НПРО) или начинали действия в том или ином регионе мира, они старались придать своей политике максимально благотворительный, благожелательный характер. Так, расширение НАТО шло «во имя искупления вины за Мюнхен», ради желания помочь странам, пострадавшим от советской политики; урегулирование балканского кризиса проводилось «ради защиты интересов и прав слабых и угнетенных народов» бывшей Югославии, для обеспечения стабильности в Европе; новую систему обороны планировалось развернуть для защиты не только США, но и их союзников, так как они также могли пострадать от государств-«изгоев», и т.д. Для разъяснения планов США Дж. Буш совершил поездку по странам Европы, вступил в переговоры с Россией. Состоялись встречи президентов Дж. Буша и В.В. Путина в Любляне (16 июня 2001 года), в Генуе во время саммита «восьмерки» (21-23 июля 2001 года). Создавался образ либерального и благожелательного американского лидера, радеющего за мир и стабильность.

Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне показали, что сверхдержава уязвима, реализация глобальной стратегии не будет безоблачной и простой. Оказались правы те историки и политологи, которые выступали за сохранение «баланса сил» и концерта ведущих мировых держав, за сохранение важной роли России в решении международных проблем. Подтвердились и прогнозы о том, что в глобальный век политика отдельных стран, включая сверхдержаву, вступает в зависимость от глобальных проблем, с решением которых связано будущее как мирового сообщества, так и отдельных его субъектов.

Перед лицом глобальной угрозы — международного терроризма — произошел новый поворот в отношениях России и США. Были изменены акценты в характеристике России, ее перестали отождествлять с «угрозой» для безопасности США. Оказались обосновательными предсказания консервативных политологов относительно захвата Россией новых сфер влияния и «порабощения» соседних государств. Напротив, в некоторых из них в ходе антитеррористической кампании высадились американские военные для временного базирования в ходе проведения операции против террористов в Афганистане. Россия была возведена в разряд «друга», вошла в

антитеррористическую коалицию. Соединенные Штаты пообещали отменить поправку Джексона-Вэника, поддержать кандидатуру России для вступления в ВТО, способствовать реструктуризации долгов, активизировать и качественно изменить взаимодействие между Россией и НАТО. На таком фоне в ноябре 2001 года прошел первый официальный визит российского президента в США.

Появилась надежда на то, что идея двустороннего партнерства, потерпевшая фиаско в 1992–2000 гг., могла стать реальностью. Активная союзническая позиция России с самого начала международной антитеррористической операции была высоко оценена почти всеми американскими политологами. Например, хотя Ч. Краутхаммер охарактеризовал действия России как тактику, а не стратегию на долгосрочную перспективу, он высказал убеждение, что в случае углубления и закрепления тенденции сближения России и Запада, это станет самым значимым поворотным событием в мировом развитии: «В течение 300 лет со времен Петра Великого Россия не могла решить, является ли она частью Запада или Востока. Однако в условиях, когда миру угрожает радикальный ислам, принадлежность России Западу вполне допустима. После отказа от советской идеологии противоречия России и Запада носят в основном геополитический характер. Не следует исключать того, что это геополитическое соперничество может быть урегулировано так же, как этого удалось достичь в отношениях между Германией и Францией»¹.

Ч. Краутхаммер считает, что позиция России в антитеррористической кампании была логическим завершением ее предшествовавших действий — решение о закрытии военных баз на Кубе и во Вьетнаме, взвешенная реакция на перспективу выхода США из Договора по ПРО 1972 года и дальнейшего расширения НАТО, продолжение тенденции к развитию механизмов взаимодействия России и Североатлантического альянса, согласие на присутствие американских военных в Средней Азии. Сотрудничество в ходе проведения афганской кампании, по мнению политолога, могло бы стать первой стадией исторического сближения России и Запада, для чего США следует отказаться от излишней подозрительности в отношении России, от устремлений воспрепятствовать усилению ее влияния на постсоветском пространстве.

¹ The Weekly Standard. — 2001, November 12.

А. Коэн предложил закрепить тенденцию сближения с Россией, но, как и прежде, оставил в своих рекомендациях условия двустороннего взаимодействия: 1) добиваться координации действий США и России в изоляции и замене режима Саддама Хусейна; 2) поощрять сотрудничество России и НАТО; 3) убедить Россию в том, что торговля оружием и высокими технологиями с отдельными странами (Иран) является угрозой глобальной безопасности; 4) развивать сотрудничество в области разведки, в разработке инициатив по пресечению распространения ядерного оружия и террористической деятельности; 5) поддерживать вступление России в ВТО; развивать сотрудничество в энергетической, аэрокосмической, технологической областях; 6) содействовать урегулированию ситуации в Чечне; способствовать развитию демократических институтов на Кавказе и в Средней Азии¹.

Нельзя сказать, что высказывания консервативных аналитиков содержали что-то абсолютно новое, отличное от того, что они писали до этого, однако, изменилась тональность рекомендаций, давалась высокая оценка действий России, а требования к ней высказывались в более мягкой форме (что, конечно, можно охарактеризовать как тактику, а не стратегию).

Среди либеральных аналитиков выделялась позиция М. Макфола. Он отметил важный вклад России в борьбу с терроризмом, наличие у нее стремления к сближению с Западом, но продолжал отстаивать общую позицию в отношении России: Запад может (и должен) принять только истинно демократическую Россию и до тех пор, пока она будет вести войну в Чечне, нарушать права человека и прессы, не завершит формирование демократических институтов и гражданского общества, она не может стать полноправным членом западного сообщества. М. Макфол предложил объявить «консолидацию демократии в России» одной из важнейших задач американской политики, в том числе для реализации «доктрины свободы»².

¹ Cohen A. Promoting Security, Prosperity, and Freedom. Issues 2002 /www.heritage.org

² McFaul M. The Liberty Doctrine. — P. 22. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие политологи, например: Mendelson S. Russians' Rights Imperiled: Has Anybody Noticed? // International Security. — Vol. 26. — № 4 (Spring 2002). — P. 39-69.

Позиция М. Макфола не принимается в США всеми либеральными политологами, хотя определенный критический элемент в оценках действий России либералами, работавшими на администрацию Клинтона, сохранился. Так, Дж. Айкенберри признал, что антитеррористическая кампания расширила рамки и основы сотрудничества между великими державами, но при этом заметил, что президент России наилучшим образом использовал появившуюся возможность поторговаться с Западом в обмен на поддержку США в проводимой ими кампании. Он не упомянул, что возможности поторговаться были и у остальных участников коалиции, в том числе, у Соединенных Штатов, которые не только получили реальную помощь, но и начали решать важные задачи своей глобальной стратегии – геополитические (расширение сферы влияния и контроля, прежде всего, в Евразии), экономические (расширение контролируемых регионов – источников энергоресурсов и сырья, торговых рынков и рынка труда и т.д.), идеологические (внедрение американской модели демократии и американских ценностей)¹.

Полемизируя с постоянными критиками России, Дж. Биллингтон в очередной раз выразил мнение последовательных сторонников сохранения конструктивных отношений в Россией – Соединенные Штаты должны воспользоваться исторической возможностью построить действительное (а не мнимое) партнерство с Россией. Он предложил отказаться от акцентирования внимания только на негативных факторах, сопровождающих «стремительный рывок России в свободу». Забывается, отметил Дж. Биллингтон, что Россия совершила за десять лет беспрецедентный прорыв: она стала более открытым обществом, в стране появилась частная собственность, сформировалась многопартийная система, действуют общественные организации, существует свобода религии и собраний и т. д. По мнению ученого, если США будут продолжать относиться к России «как к провинившемуся мальчику, проходящему испытательный срок», ни о каком налаживании партнерских отношений речи быть не может².

¹ Ikenberry J. American Grand Strategy in the Age of Terror. – P. 30-31.

² Billington J. Okay, They've Met, Now Let's Get Engaged //The Washington Post. – 2001, June 17.

* * *

В мае 2002 года состоялся официальный визит президента США в Российскую Федерацию. Одним из подписанных документов стала Совместная декларация Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. Российские и американские политики и специалисты-международники отметили, что республиканской администрации удалось добиться того, чего не смогли сделать демократы — спокойной реакции России на действия США в сфере безопасности, на присутствие американских военных на территории отдельных стран СНГ, на перспективу дальнейшего расширения НАТО.

С. Тэлботт отмечал в мемуарах, что республиканцы пришли к власти с вполне конкретной установкой на отношения с Россией, о чем можно судить по приведенным им словам из выступления К. Райс в период подготовки к президентским выборам: «Вопрос заключается в том, насколько мы близки к тому, чтобы начать проводить политику сдерживания и карантина в отношении России, а не политику сотрудничества»¹. Изменение позиции республиканской администрации было вызвано и событиями сентября 2001 года, и действиями России; нельзя, наверное, полностью исключать и влияние взглядов тех представителей американского академического сообщества, которые выступали за сотрудничество с Российской Федерацией в решении международных проблем.

Насколько долгосрочной может стать «новая разрядка» в двусторонних отношениях, предсказать трудно. История советско-американских отношений показала, что периоды «разрядок» не были длительными. В администрации Буша и среди специалистов по международным отношениям сохраняются разные мнения относительно целесообразности сохранения диалога с Россией на высоком — великодержавном уровне. В официальной политике США не просматривается прочной тенденции к отказу от политики глобального регулирования.

¹ Talbott S. The Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy. — N.Y., 2002. — P. 292.

По оценкам российских политологов, в начале XXI века Россия в очередной раз «протягивала руку» Америке. Сумеют ли американское руководство и критически настроенная по отношению к России часть политико-академического сообщества преодолеть исторически укоренившуюся настороженность, неверие, двойной стандарт, «опережающий» страх перед возможной российской угрозой, покажет будущее. И это станет предметом другого анализа.